

18+

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Гримдарк

лучшие рассказы конкурса
«Лимит удачи исчерпан»

Конкурс Квazar

Алексей Жарков

Избранные. Гримдарк

«Издательские решения»

Жарков А. С.

Избранные. Гримдарк / А. С. Жарков — «Издательские решения», — (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-44-989842-5

Перед вами сборник рассказов финалистов конкурса «Лимит удачи исчерпан». Всего в конкурсе приняли участие 58 авторов с 72 произведениями. В этот сборник вошли лучшие рассказы финала, отобранные Александром Дедовым, идеологом и вдохновителем жанра, редактором альманаха «Медианн». Сборник из 12 мрачных историй открывает его статья о том, что такое гримдарк и почему вам отчаянно необходимо как можно быстрее пройти через содержание этой книги. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-989842-5

© Жарков А. С.
© Издательские решения

Содержание

Мрачнее! Грязнее! Кровавее!	7
На орбите, под Боуи	8
Благочестивый военный люд	14
Накидка из шкуры Времени	29
Хозяйка Вечного дома	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Избранные Гримдарк

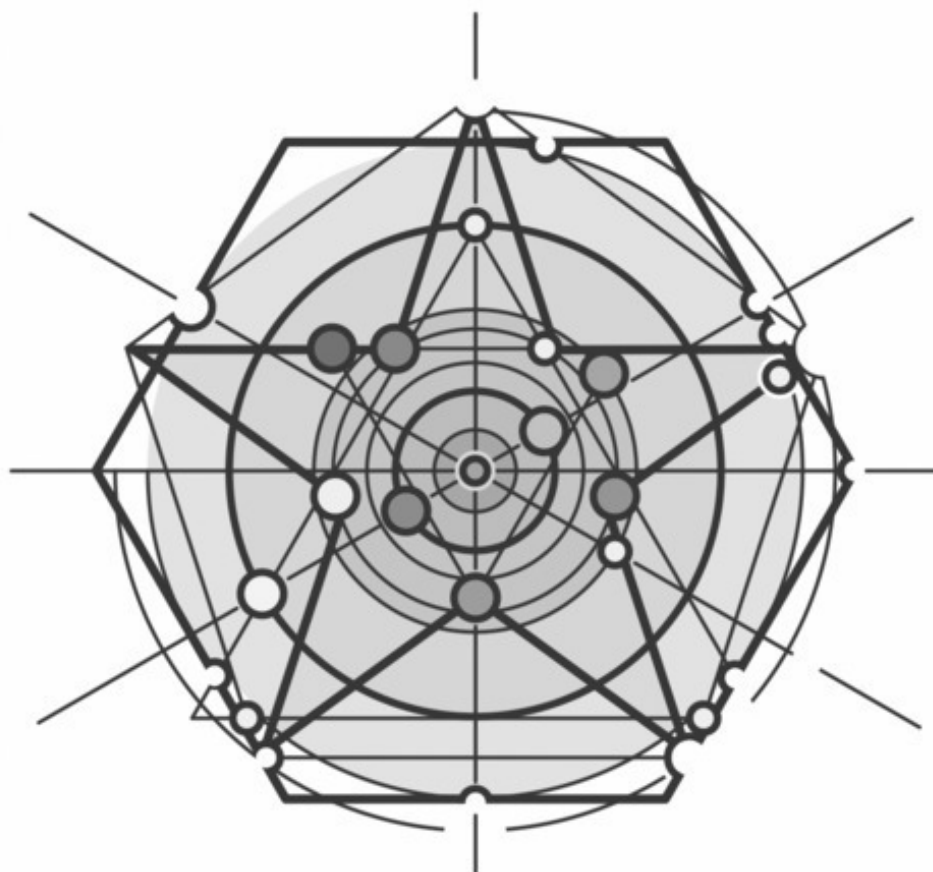
Дизайнер обложки Алексей Жарков

Составитель Александр Дедов

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-9842-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Мрачнее! Грязнее! Кровавее!

Гримдарк – жанр молодой. На текущий момент нет единого мнения о том, каковы его «родовые признаки». Позиция альманаха Mediann по данному вопросу – это «усреднённый плюрализм», лоскутное одеяло из различных трактовок.

Однако можно утверждать точно, что гримдарк – один из наиболее мрачных поджанров фантастической литературы. Лучше всего он раскрывает себя в декорациях средневекового фэнтези, мрачной фантастики (привет, Warhammer) и городского фэнтези. Так проще, приятнее и интереснее передавать атмосферу всеобщего упадка и безысходности.

Так каковы же «кирпичики» этого жанра? Давайте разбираться.

Суровый мир и его обитатели

Как уже говорилось многократно, гримдарковский мир – это мир победившего зла. То есть если сравнивать с классическим героическим фэнтези, здесь нет клишированного фактора борьбы светлых и тёмных сил; тёмные уже победили или их победа лишь вопрос времени.

Какими могут быть обитатели таких миров? Тут бы неплохо включить здравый смысл: принципиальные добряки и филантропы здесь не выживут; слабовольные нытики станут рабами, умрут от голода или примерят на себя роль пушечного мяса в бесконечных войнах. Добиваются успеха (ну, или хотя бы имеют сносный уровень жизни) лишь единицы, и это очень многогранные, хитрые и изворотливые личности.

Натуралистичность и правдоподобие

В гримдарке умирают. Часто. И смерть персонажей здесь не самоцель, а всего лишь способ подчеркнуть насколько мрачное и жестокое место посетил читатель.

Данный жанр крайне не рекомендуется брезгливым чистюлям и моралистам: герои истекают кровью, их раны гниют, переулки городов могут оказаться вонючей помойкой. Персонажам хочется есть, ими частенько овладевает похоть, иногда им нужно справить нужду или отковырять засохшую болячку; ничто не остаётся «за кадром».

В гримдарковских сеттингах насилуют и убивают без особой причины, а безумие и извращения уже никого не удивляют. Приготовьтесь к тому, что будет реально жёстко и вместе с тем правдоподобно.

Царство альтернативной морали

Любители классической фантастики и высокого фэнтези часто обвиняют гримдарк в отсутствии «внятных» персонажей. Дескать, а за каких парней тут нужно переживать, если все плохиши? Гримдарк как никакой другой жанр показывает относительность добра и зла.

Многие персонажи могут показаться кончеными ублюдками, но при этом порою совершать «правильные» поступки. А хороший парень, который понравился с первых страниц книги, может вдруг оказаться трусом и предателем.

Всё относительно, всё течёт и меняется. И это прекрасно!

P.S.

Чистая субъективщина, но мы считаем, что одним из важных элементов гримдарка является «обратный эскапизм». После мрака и ужасов, пережитых на страницах книги, приятно возвращаться в реальность. Собственные проблемы уже не кажутся такими уж существенными. Отсюда проистекает «парадокс гримдарка»: литература вроде бы и мрачная, а всё же настраивает на позитивную волну.

Александр Дедов

На орбите, под Боуи

Артем

Родина-мать вышвыривает нас прочь червями в консервной банке, пинает ракетным импульсом под жопу, провожает стрекотом глумливых радиопередач и замолкает, переключается на развлекательный канал, забывает.

Нам отказывают даже в сущей малости – в виде на прекрасную голубую планету. Не дают полюбоваться и на звезды – в тонких стенках тюремных капсул нет ни единого иллюминатора. Не заслужили.

Всю долгую дорогу мы жрем, испражняемся, разминаем дряблые мускулы в полной темноте. Ощупываем лица друг друга, чтобы убедиться – мы еще люди, мы еще живы, мы еще летим на этот чертов Марс.

Опасность подкрадывается к нам все ближе. Всплеск солнечной радиации – и заряженные частицы прошьют наш беззащитный корабль, поджарят пассажиров, подарят пару недель мучительной смерти.

– Ужасно, если сначала выпадут волосы, – думаю я однажды вслух, пугая сокамерников. – В невесомости они разлетятся повсюду, будут лезть в глаза и ноздри тем, кто еще жив.

Нет, заряженные частицы проходят стороной, белокурые засаленные волосы остаются на месте.

На орбите Марса капсулу трясет, маневровые двигатели выкашливают пару коротких импульсов, выводят корабль к контролируемому падению, иначе говоря – посадке. Мы не можем ни на что повлиять, только жадно смотрим на зеленые датчики – покраснеют или нет.

Мы знаем – каждая шестая капсула промахивается, и ее пассажиры кружат рядом с Красной планете вечно. Но нет, нам не приходится умирать от голода и жажды, царапать ногтями обшивку, думая о том, что холодный вакуум убивает милосерднее.

Земная техника вообще ненадежна: тормозные парашюты часто не раскрываются, глючат навигационные компьютеры – и путь длиной в миллионы километров заканчивается грудой металла на безжизненном песке. Нам везет и здесь. Датчики так и мигают зеленым, изредка сбиваясь на желтый.

Капсула выплевывает люк, обнажает наши тела, выставляет напоказ. Я открываю глаза навстречу незнакомому небу и тут закрываю – больно, нестерпимо больно. Меня хватают за плечо, вытаскивают наружу, выбрасывают.

Оглядываюсь – над наполовину распотрошенной капсулой туго натянута полупрозрачная ткань герметичного купола. Вдыхаю полной грудью – та же смесь кислорода и азота, что и на корабле, но совсем другая, не затхлая земная, а свежая марсианская. Мне даже нравится.

– Слушайте, – начинаю я. – Там в грузовом отсеке был мой чемоданчик. Готова поделиться припасами, если...

Меня перебивает смех – злой, каркающий, аритмичный. Бородатый мужчина с диковатыми глазами словно выблевывает легкие, грудь вздымается под тонкой тканью залатанного скафандра, шлем небрежно откинут, от зубов несет гнилью.

– Ты уже поделилась, спасибо, – кивает на двух таких же дикарей, перегружающих наши чемоданчики на тележку.

И разводит руками, ухмыляется, словно в сотый раз рассказывает один и тот же анекдот.

Закусываю губу, молчу. Вспоминаю, как весело стояла в одиночном пикете у парламента, как выводила жирным маркером смешные рифмованные строчки о борьбе за что? За что? Слово выскальзывает из головы, предает меня, оставляет одну и в слезах.

– Земля выкинула вас сюда умирать, – объясняет мужчина. – Вы свободны только потому, что в наши дни дешевле швырнуть человека на другую планету, чем десятилетиями поить и кормить в тюрьме. Вы живы только потому, что смертная казнь плохо вписывается в современный политический дискурс.

Мужчина умный, он знает слово «дискурс», и я смотрю на него новыми глазами. Может быть...

– Не оставляйте меня здесь одну, – говорю я и шмыгаю носом. Я приглаживаю спутавшиеся волосы, облизываю губы, выпрямляю спину. – Я полезная, правда. В школе училась хорошо, закон Ома даже знаю.

Но мужчина слишком умен, он не ведется на неуклюжее кокетство и попытку рационализировать – лишь смеется еще раз. Он хватается за подбородок, задирает мне голову, ощупывает пальцами зубы, заглядывает в глаза, приближается так близко, что я чувствую его теплое вонючее дыхание, и презрительно бросает:

– Ты не поняла. Тебе нечего предложить на обмен. Все под этим куполом – уже мое.

Мужчина швыряет мне простенький скафандр, проверяет трубки от баллона с воздухом, сдувает купол, бросает ткань небрежно на тележку, а сам командует – тяни, мол.

Я тяну эту тележку – и сейчас, и завтра, и всегда.

Справа от меня тележку тянет Омар – на Земле он перебежал дорогу перед военным конвоем в Багдаде. Слева от меня тележку тянет Руслана – на Земле она скачала новые «Звездные войны» из дарквеба. Или откуда-то еще – уже не помню. Мы очень редко говорим о прежней жизни, да и новой – тоже. Просто незачем.

Мы тянем нашу тележку не в футуристических куполах где-нибудь на склонах горы Олимп, как в моих любимых детских книжках. Строить настоящие дома, наполнять их воздухом, защищать от ветров и ударов метеоритов, – слишком накладно. Хотя в них было бы неплохо даже косплеить принцессу Лею у Джаббы в гостях. Терпимо было бы, я так считаю.

Нет, мы живем в холодных пещерах, мы зарываемся глубоко в землю – странно, но на даже на Марсе мы называем почву «землей»; не марсом же в самом-то деле. Там, внизу мы отгораживаемся от вездесущего песка, роем колодцы и черпаем из них взаправдашнюю марсианскую воду. А еще мы ходим в этих пещерах голыми, потому что ну где мы возьмем новую одежду взамен изношенной?

Вы все поняли правильно. Настоящая техническая цивилизация осталась там, на Земле. Здесь мы только донашиваем обноски, чиним сломанное, перековываем обломки космических кораблей на заточенные полоски металла и называем их «мечами». К ним я вернусь позже, обещаю.

С картошкой у нас не сложилось, поэтому мы мажем говном стены марсианских пещер, выращиваем на них грибы, а потом перерабатываем в то же говно – так замыкается цикл.

Бородатого мужчину, если вдруг интересно, зовут Петр, наша капсула упала рядом с его пещерой, он подобрал, он вытряс все ценное, он распределил. Но по большому счету мы все – его собственность.

Я думаю, что Петр не так уж плох, не так уж вонюч, не так уж и сильно хрипит, когда елозит по мне и смешно дергается, иногда неловко выпадая из ритма, словно за все эти годы так и не привык к пониженной марсианской гравитации. Могло быть и хуже.

Иногда, когда Петр засыпает, я пробираюсь на склад, открываю чемоданчик и разбираю подарки от волонтеров – доброй души людей, собиравших меня в дорогу на далекий Марс. Конечно, все консервы давно съедены, а водка – давно выпита, остались только абсолютно бесполезные для Петра вещи.

Вот, например, зачем нам на Марсе может понадобится томик Брэдбери? Серебряная цепочка с крестиком? Плеер с полной дискографией Боуи? Даже пачка презервативов – тоже, в общем-то, строчка из другой песни.

Да, на Марсе ужасно рожать. На Земле, думаю, тоже – но в пещере, без антибиотиков, без чертовых махровых полотенец даже, в грязи и холоде? Конечно, баба Мэри – сухонькая англичанка, старожил, из первых еще колонистов – может подогреть мне водички, подержать за руки и ноги, помочь перерезать пуповину, но это слабое утешение.

Но рожать придется. Здесь так заведено.

Петр сам, кажется, не знает, зачем нам дети. Ведь мы же не последняя надежда человечества. Там, на Земле, этих сраных детей – жопой ешь. Небось, катаются туда-сюда в колясочках, просят сиську, получают соску – лафа же. Но у нас все иначе – жрут грибы, как и все, и только раз в месяц получают витаминку из стратегического резерва.

Все лучшее – даже здесь детям.

Петр приходит к детям часто, качает их на руках, говорит ерунду:

– Эх, – мечтает он – однажды, когда в нашем племени наберется бойцов сто, а лучше – двести, мы сможем подмять под себя все Море Свободы, а это под тридцать капсул в неделю.

Все правильно, Петр у нас отвечает не только за грубую мужскую силу, но и за экономику. За цифры. И еще он любит читать ЛитРПГ (но у меня есть для него только Брэбери).

Экономика у нас очень простая – мы целиком зависим от импорта. Даже не от импорта – от благотворительных поставок новых колонистов. Две трети капсул разбиваются, но нам так даже лучше – лишних ртов не прибавляется, а ресурсов – очень даже. Опять же, мертвого человека не жалко и сожрать, а живого для этого убивать – как-то не очень, даже Петр не любит так делать.

Петр считает, что процент брака в тюремных капсулах специально подогнан так, чтобы людей на Марсе всегда было ровно столько, сколько этот марсианский экспресс смерти может прокормить. Он умный, он даже показывал мне формулы на листочке из тетрадки в клеточку, но я все пропустила мимо ушей.

Потому что я дура.

Это настоящий фактический факт.

Омар говорит, что я полная дура – вместо плаката я должна была идти к парламенту с автоматом. Так у меня был бы хотя бы шанс там.

Руслана говорит, что я полная дура – до двадцати семи лет дожила, а нормально трахаться так и научилась. Так у меня был бы хотя бы шанс здесь.

Однажды я провожу настоящий социологический опрос – подхожу к каждому из двух десятков жителей нашей пещеры, и каждый, абсолютно каждый называет меня душой. Дескать, чем ерундой заниматься, лучше бы выпалась нормально, а с утра пораньше вымазала бы говном двойную порцию пещерных стен.

Я так не могу. Я не готова это терпеть. Я смотрю шире. Иногда в испарениях от грибов мне кажется, что за мной следят. Сначала я грешила на Петра – дескать, боится, что сбегу, а потом поняла – нет. В самом деле, куда я сбегу с подводной лодки?

Иногда мы встречаем на поверхности других людей. Они – как и мы – толкают тележки, нагруженные добром с капсул. Они озираются по сторонам настороженно и крепко сжимают в руках обрезки труб и полоски металла.

Иногда – если в их районе падает необычно мало человеческих тел – они пытаются разнообразить грибную диету за наш счет. Люди – я называю их так, потому что не марсиане же, в самом деле – караулят в засаде у входа в нашу пещеру, швыряют в нас камни, режут металлом, бьют кулаком в стекла шлемов – впрочем, осторожно бьют, стараясь не повредить ничего настоящего ценное.

Мы отбиваемся. Особенно хорош в этом деле Петр – он ловко размахивает сразу двумя мечами, как античный бог, как герой лучших японских мультфильмов. Но и я не отстаю. Мой конек – короткие, но тяжелые и очень острые дротики, которые я мастерю на досуге из облом-

ков посадочных ног. Они пробивают грудь насквозь, а если прицелиться как следует, то попадают прямо в сердце и убивают на месте.

Если мне удастся убить человека, Петр очень сильно меня хвалит, ночью уходит елозить на Руслане, а мне оставляет самый жирный кусочек жареной печени и даже совсем без гарнира из грибов. Знает, что я не очень веган, а убежденный мясоед.

Так что Петр хороший, и нет абсолютно никакого смысла менять Петра на Василия или, тем более, Олега.

Иногда по утрам, если я успею подшить все рубашки для Петра и – вы правильно догадались – обмазать говном все стены с грибами, я надеваю скафандр, выхожу из пещеры, поднимаюсь по склону горы повыше и смотрю на север.

Там, в сотнях километров впереди что-то очень громко и ярко бахает. Баба Мэри однажды по секрету рассказала, что это земные власти сбрасывают ядерные бомбы на полярные шапки. Дескать, так можно растопить их, а заодно выпустить в атмосферу метан, вызвать парниковый эффект – короче, превратить Марс в еще одну копию Земли. В далекой перспективе.

Поэтому я радостью вглядываюсь в эти бабахи – а ну как Марс станет раем не при моих внуках, а при моих детях?

Я ловлю что-то боковым зрением и озираюсь – опять за мной кто-то следит, и это точно не Петр. Это точно не баба Мэри, не Руслана и даже не похотливый Омар.

Я сжимаю в руке дротик, вздыхаю глубоко, считаю до десяти, резко поворачиваюсь и швыряю заостренный кусок металла что есть мочи.

Попадаю.

Дротик скрежещет о металл, разрывает в клочья пластик, он застревает в щели и победно торчит из нее. Я ухмыляюсь дико – кончики губ растягиваются до ушей, не шучу – и бегу к добыче.

Дрон пыхтит тремя из четырех моторов, тщетно пытается сбалансировать полет, страшно вращает видеокамерами, подмигивает маскировочным полем, но все зря – я его вижу и я его догоняю.

А потом останавливаюсь.

– Откуда ты прилетел, малыш? – думаю.

Я отступаю в глубь пещеры и подглядываю за дроном исподтишка, я замечаю, куда он отступает, роняя на землю капельки смазки и кусочки пластмассы. И радуюсь.

Возвращаюсь на базу, беру с собой так много дротиков, как могу унести, вешаю на шею серебряную цепочку, кладу в карман плеер, засовываю за пояс пачку с презервативами. Я думаю о том, чтобы нацепить один на голову Петра, а потом смотреть, как он задыхается, выпучив глаза. Но идея кажется мне нереалистичной, да и так убивать лучше бритоголовых гондонов, а бородатых – не очень, нет в этом никакой особенной красоты и постиронии.

Я беру с собой побольше воды и кислорода, нацепляю на спину единственный оставшийся на ходу японский бытовой экзоскелет за полторы тыщи долларов, – он работает на пневматике, и увеличивает грузоподъемность всего кило на двадцать, но мне вполне достаточно.

И валю как можно быстрее, пока больше никто не проснулся.

Дрон летит медленно, словно приглашает меня, словно зовет куда-то. Через четыре часа у меня кончается воздух, но словно по волшебству я нахожу капсулу с тремя давно сгнившими телами и полными баллонами кислорода.

Дрон словно ведет меня по дороге из хлебных крошек, по самым грибным местам (только без грибов), где не ступала нога человека. И я подыгрываю ему – притворяюсь, что веду на эту его манипуляцию, а сама крепко сжимаю в руке дротик.

Под вечер я нахожу подходящую пещеру, забираюсь в самый дальний закуток, сворачиваюсь в клубочек, засыпаю. Мне снится Земля, которую я так никогда и не увидела, – голубая планета из прямых включений с космических станций. Земля Леонова и Гагарина, но не моя.

Под утро я просыпаюсь от шорохов. Вокруг в темноте шарят руки, они ощупывают меня, снимают дроботки с пояса, хотя серебряную цепочку, плеер и презервативы оставляют. Руки забирают еду, они забирают воду, они водят туда-сюда тусклыми фонариками, и в их свете я вдруг вижу детские, мальчишеские лица за стеклами скафандров.

Они настороженно смотрят на меня, взрослую тетю, и я понимающе расслабляюсь и готова уже получать удовольствие, но они испуганы не меньше моего – молча исчезают в темноте, словно и не было их, словно они лишь привиделись. Только пятки стучат, да украденный экзоскелет скрежещет несмазанными шарнирами.

Я кричу детям вслеп, но на самом деле не им, конечно, а невидимым камерам.

– Вы там умрите, наверное, мрази! – говорю я. – Вы там сидите в тепле, смотрите на эту картинку и думаете, что все выдумка, все нарисовано или снято, или на компьютере сгенерировано. Но это я тут жмусь в уголке совершенно одна, измучена, истратила жизнь неизвестно на что и умру примерно завтра.

Темнота мне, конечно, ничего не отвечает.

Я выползаю из закутка и поворачиваюсь спиной к поверхности Марса, где опять поднимается дурацкое Солнце, – нечего мне там делать. Спускаюсь вниз, звонко стуча башмаками скафандра по марсианскому камню. Иду все глубже и глубже, чтобы перед смертью посмотреть на самую мякотку, самые внутренности того ада, куда меня сослало жюри присяжных в перерыве между игрой на смартфоне и чатиком про котят.

Я иду вниз в полной темноте, единственный ориентир – правая стена пещеры, к которой я плотно прижимаю ладонь. Я чувствую ее сквозь тонкую ткань скафандра, я глажу ее так же нежно, словно это бедро моей девушки (которой, конечно, у меня не было, но не бедро мужика же). Света нет, звуки мертвы, запахи стерильны, во рту пусто, работает только кинестетика и упрямо ведет меня вперед.

Впереди я вижу свет.

Подбитый дрон весело светит мне прожектором. Он указывает на дверь здоровенного, чистенького, новенького шлюза, и я радостно врываюсь в него, закрываю за собой люк, камера наполняется воздухом, я сбрасываю себя все и ломлюсь на земную базу как есть, голая, расстрепанная и вонючая. Мне пофиг, уж какая есть – такая и ломлюсь.

На базе пусто – только мигают сотни мониторов, на которых я вижу множество спящих, жрущих, рыгающих, ругающихся, трахающихся и чешущих задницу людей. Я вижу множество маленьких пещер, из которых мониторы делают, нарезают картинку одной большой пещеры под названием Марс. Я вижу группы людей, где командуют мужчины вроде Петра, но есть и те, где всем заправляют женщины с короткими стрижками и недовольными лицами, или и вовсе пожилые дамы с седыми волосами и аристократическим взглядом. Но все они, абсолютно все – жалкие повелители чертовых пещер.

На одном из экранов я вижу собственное лицо. Озираюсь, нахожу камеру и подхожу к ней поближе, наклоняюсь и ору прямо в микрофон:

– Привет, ублюдки! Сейчас найду здесь кнопку самоуничтожения – мало не покажется!

Сломанный дрон за спиной откашливается – то есть, откашливается тот, кто говорит его голосом – и примирительно громыхает на всю комнату:

– Слушай, – заявляет добро так. – Да ладно, тут мы разобрались. Домой поедешь сейчас! Понимаешь, ошибочка с тобой вышла. Галочку в форме голосования один из членов жюри поставил криво, вот и отправили на Марс. На самом деле, тебя должны были оштрафовать только. Только сейчас разобрались.

– Правда? – говорю я только, в горле пересыхает.

Дрон смеется резко, отрывисто.

– Нет, конечно. Только полная дура в это поверит. Но ты дала нам классную фактуру. Была такой хорошей девочкой, верила в разное, людей вдохновляла на глупости, а теперь – ну просто посмотри на себя. Зрители делают ставки на финал сезона, так что мы его завершим бомбически и назидательно. С моралью!

– Да я не про галочку. – Дышу тяжело, ноги подкашиваются. – Ты про домой не шутишь?

И оседаю на пол, опираюсь локтями о плитку, закусываю губу до крови, чтобы сознание не потерять.

– Эй, ты чего? – говорят мне из дрона. – У нас по сценарию ты должна вернуться в родной город, рассказать об ужасах тюрьмы и посоветовать всем на Земле соблюдать законы как можно тщательнее. Так что не смей тут умирать.

– Ммм... – я не в силах отвечать, отключаюсь, бегу по темному тоннелю за белым светом, а он – сволочь такая – все ускользает и ускользает.

Прихожу в себя только сутки спустя, уже в ракете, стартующей с полярной шапки. Рядом сидит румяный пилот, сует мне приветственную фляжку коньяка, делится наушником, в котором играет самый новый земной поп-хит, подмигивает – дескать, я тебя нашел голой, отмывал сам лично от говна и грязи, поэтому видел уже везде, так что почему бы и нет на орбите?

– На орбите – только не в жопу и с презервативом, – отвечаю я ему и выкручиваю музыку в его аудиосистеме на максимум. – И ты можешь включить Боуи, а не вот это вот говно?

Благочестивый военный люд

Богдан Гонтарь, Дмитрий Тихонов

Грохот барабанов мог бы разбудить мертвеца. Сняв шлем, Грач тер свободной рукой виски – вечером явно переборщил, заливая страх вином. Стоявший слева Седьмой улыбался во весь рот, хотя накануне употребил ничуть не меньше. Разбойничья натура, что с него возьмешь. Седьмой уверял, будто он колдун. Может, так и есть – седьмой сын седьмого сына принадлежит дьяволу, это всем известно – вот только никаких чудес, кроме небывалой устойчивости к выпивке, от него не дождешься.

Рудольф из Гробенвальда, моложавый и стройный, облаченный в вороненные доспехи, появился перед строем. Ветер развевал яркие страусиные перья на его берете. У Грача болели глаза от одного взгляда на эти перья. Впрочем, будь он капитаном баталии, одевался бы так же – куда еще тратить безразмерное жалование? Ему вот до сих пор не удалось накопить на новый дублет, красный с черным, с десятью разрезами на каждом рукаве. Придется помирать в старом.

Барабаны смолкли. Рудольф из Гробенвальда выхватил меч – такой же кацбальгер, как у большинства зольднеров – и торжественно воздел его над головой.

– Сейчас начнется, – пробурчал Вдовоёб, стоявший справа от Грача. – Первым делом он обзовет нас благочестивыми...

– Благочестивый военный люд! – воскликнул Рудольф. Голос его заметно дрожал, хотя рука, державшая оружие, оставалась тверда. – Сыны Единой Церкви, покорители лесов! Пришло время исполнить клятвы и вписать наши имена в историю Порохового Пакта! Не поддавайтесь страху, ведь сам Святой Гюнтер, небесный знаменосец, идет с вами в одном ряду! Вперед, братья мои – за победой!

Барабаны застучали снова. Взвыли дудки. Баталия вздрогнула, словно разбуженный зверь, и, бряцая металлом, лениво поползла по полю туда, где на склонах едва видных в утренней дымке далеких холмов ждали проклятые еретики. Самих еретиков пока было не различить. Говорили, будто их почти вдвое меньше, чем наемников в войске Порохового Пакта. Говорили, будто у них неважно с артиллерией. Говорили, будто уже к вечеру они ждут подмогу, идущую от Трайнбурга – и будто бы с этой подмогой превзойдут наступающих в живой силе. А потому у капитанов не оставалось времени на маневры и прочие военные хитрости.

Баталия, в которой Грачу не повезло служить под командованием Рудольфа из Гробенвальда, выдвигалась первой, отдельно от остальных. Задача проще некуда: шумно и красиво ударить противника в правый фланг, отвлечь на себя внимание, пока основные силы – баталии Большого Йенса, Клауса из Нагельбурга и Людвиг Растяпы – не подкрадутся слева под покровом тумана, намоленного войсковыми капелланами. Святой Рэв, Облачный Пастырь, услышал мольбы и ответил на них. Или просто повезло с погодой. В последнее время Грач все больше сомневался в том, что святые обязательно должны принимать чью-то сторону в людских сварах. Можно подумать, у них там, на небесах, нет других дел.

– Эй, парни! – зарычал Чистоплюй, шагавший в середине шеренги. – Давайте-ка споем что-нибудь напоследок, а?!

– Предлагаю про Марту и ее Бездонную Пизду, – отозвался Книжник дрожащим от страха и дерзости голосом. – Мы ж маршируем напрямик туда.

– В пизду Бездонную Пизду! – рявкнул Черный Ульф. – Давайте Пьяную Смерть.

– Принимается, – согласился Чистоплюй. – Заводи!

Черный Ульф откашлялся, харкнул в траву и затянул надсадным, но на удивление хорошо поставленным басом:

Пусть течет вино, красное вино!
Горячо оно, солоно оно!
И подруга-смерть пусть сегодня пьет —
Для нее одной вышли мы в поход...

Остальные подхватили – вразнобой, сиплыми похмельными голосами:

Для нее одной будет этот пир!
Так наделай же в человеке дыр —
Разбивай кувшины и бутылки бей.
С пьяной смертью, братцы,дохнуть веселей!

Прервавшись на мгновение, барабаны подхватили ритм, а дудки – мелодию. Такова традиция: во время наступления первая, безнадежная шеренга поет любые песни, и никто, ни капитан, ни капелланы, не имеет права эти песни прервать, какими бы непотребными те ни были. Даже епископ, случись он на поле боя, вынужден будет их слушать. От этой мысли Грач, оравший во всю глотку, вдруг повеселел и перестал бояться.

Основу безнадежной шеренги составляют допельзольднеры, бывалые и отчаянные рубаки на двойном жаловании – такие как Чистоплюй, Черный Ульф или Вдовоёб. Но подобных смельчаков всегда мало, а потому плечом к плечу с ними обычно идут пойманные дезертиры, воры и богохульники вроде Седьмого или Жонглера. А когда и проштрафившихся не хватает, остаток добирают с помощью жребия. Вчера во время жеребьевки в числе прочих не повезло Грачу. Тощий, длинноногий, с тонкой шеей и острым носом, он и вправду походил на облезлую птицу и никак не годился для первых рядов. Но небеса рассудили иначе, а командиры не стали им перечить.

Грач не сомневался, что погибнет. Чтобы утешиться, основательно надрался в компании Седьмого и Книжника. Едва держась на ногах, они среди ночи заявили к маркитантам и стали требовать у торговца амулетами ссудить им самые действенные. Хотя бы парочку. Всего лишь до завтра. А ну заткнись, сука, и давай сюда побрякушки, пока я тебе яйца не оторвал. Когда их прогнали, Грач вроде бы даже всплакнул от жалости к себе. А проснувшись, все утро едва дышал, едва шевелился – мешал густой ужас, наполнявший грудь, выступавший на лбу холодным, липким потом.

И только сейчас, горляня песню про Пьяную Смерть, он почувствовал, как этот ужас растворяется в закипевшей крови. Нет, никаких надежд у него не появилось. Просто то, что ждало впереди, на другой стороне залитого туманом поля, больше не казалось противоестественным. Это был конец веселого и славного пути, полного шумных попоек, дешевых шлюх и сгоревших деревень. Грач, которого тогда звали иначе, сам выбрал этот путь полтора года назад, нанимаясь в баталию. С тех пор он потерял немало соратников, и ни одна из этих смертей его всерьез не тронула. Так стоило ли расстраиваться из-за очередной?

Пела вся шеренга, вся баталия. Только Вдовоёб молчал. Грач осторожно покосился на него. Вдовоёб шагал без шлема, позволив нечесаным, серым от ранней седины волосам рассыпаться по плечам. Вспыльчивый и мрачный, острый на язык, он пользовался среди наемников дурной славой, но считался одним из самых грозных бойцов отряда. Во владении двуручным мечом ему не было равных. Даже Черный Ульф предпочитал не связываться с Вдовоёбом. Что касается прозвания, то оно взялось не с потолка – он действительно интересовался лишь женщинами, потерявшими мужей, каким-то особым чутьем выделяя их среди обозных шлюх и маркитанток. Если таковых не находилось, мог месяцами жить монахом. На вражеских зем-

лях проще – нет ничего сложного в том, чтобы сделать вдовой приглянувшуюся местную бабу. Обычно оно получается само собой, если вваливаешься в дом, хозяин которого тебе не рад.

Как бы то ни было, эта особенность Вдовоёба уже давно никого не удивляла. Мало ли у людей странностей? Книжник, например, умеет читать. Чистоплюй не пьет вина и не притрагивается к картам, а со шлюхами разговаривает так, будто они по меньшей мере королевские фрейлины. И никто над ним не потешается. В отряде каждый человек волен жить по собственным правилам. Главное – чтобы в строю стоял намертво.

Песня подходила к завершению. Трижды проорав последний куплет, бойцы смолкли. Вместе с ними стихли и дудки. Барабаны продолжали выбивать бравый ритм «Пьяной смерти», словно желая заставить баталию спеть ее снова. Это они зря. Ничего не вернуть. Все кончается.

Ветер, стылый и влажный, внезапно усилился. Туман в мгновение ока поредел. Стали видны холмы впереди и выстроившиеся на их склонах еретики. Сплошная стена из кирас и шлемов, из пестрых рукавов и длинных пик. Сталь не сверкала на солнце. Не сбавляя шага, Грач задрал голову. Солнца не было и в помине. Его закрыли плотные серые тучи.

– Сейчас ливанет! – оскалил гнилые зубы Вдовоёб. – Пусть дьявол насыт в рот Святому Рэву!

– Не кощунствуй! – одернул его Чистоплюй. – Еще ничего не случилось. Не сомневайся в могуществе небесных пастырей подобно тому, как не сомневаешься в наступлении следующего дня. Ибо они не забывают детей своих ни в горе, ни в болезни, ни в тяготах! Так сказано в Четвертой Книге Откровений. И помни...

Едва начавшуюся проповедь прервали холодные капли дождя. Вдовоёб засмеялся. На скользком склоне, на мокрой траве баталии придется не сладко. Кому бы там ни молились поганные еретики, они молились не зря.

Перед ними ткнулся в землю арбалетный болт.

– Пристреливаются, суки, – сказал Седьмой. – Пора читать отходную.

Рудольф из Гробенвальда, по-прежнему шагавший впереди, поднял меч. Грач пожалел, что не видит его лица. Ему бы хотелось в эти последние минуты жизни взглянуть в глаза командиру, отыскать в них секрет всепобеждающей отваги.

Но он мог видеть лишь проклятые павлиньи перья на берете. И холм, вздымающийся могучей, несокрушимой волной. Левая сторона холма тонула в густом бору, и край строя еретиков почти упирался в опушку. Идеальное прикрытие, лучше не придумаешь. Здесь, на востоке, еще сохранились древние леса, ничуть не похожие на рощи или дровяные парки епархий Порохового Пакта. Настоящие леса, непроходимые, непроглядные, вечно жадные до человечины. Осмелишься сунуться в такой – и сгинешь наверняка, сожрет тьма дремучая тебя вместе с душой и ни крошки не оставит. Почему жители Вольных Экзархатов до сих пор не вырубili свои чащи под корень, сказать сложно. Одно слово – еретики.

Между тем, повинуясь мечу капитана, барабаны сменили ритм. Грач знал, что где-то за его спиной аркебузиры сейчас покидают строй, рассыпаются цепью по обе стороны от баталии, готовясь к залпу. Будь это обычное сражение, все остальные тоже остановились бы, прикрывая стрелков. Однако сегодня не хватало времени на маневры. Только атака. Обреченная, но необходимая.

Позади захлопали разрозненные выстрелы. Стремительно усиливающийся дождь мешал аркебузирам, и результат оказался жалок. Никто во вражеском строю не упал, даже не качнулся. Размышлять о причинах было некогда. Расстояние между противниками сократилось уже до сотни шагов. На холме прозвучала команда, слитно щелкнули арбалеты, выпустив в воздух оскаленную, хищную стаю болтов. Грач зажмурился. Под веками было темно, и в этой темноте хрипло ревел Чистоплюй:

– Держать строй!

Болты посыпались на баталию, застучали по шлемам и наплечникам, по древкам и лезвиям пик. Кто-то вскрикнул от боли, кто-то выругался, кто-то принялся читать молитву. Грач не мог знать, много ли соратников забрал этот залп, но едва открыв глаза, увидел, как медленно, словно нехотя, словно в задумчивости, оседает наземь Рудольф из Гробенвальда. Болт пробил ему горло. Несколько мгновений спустя, когда шеренга дошла до него, капитан еще цеплялся за жизнь, хрипя, стискивал окровавленными пальцами торчащее из шеи древко. Капли дождя барабанили по вороненой стали доспехов. Его обошли, не пытаясь помочь. Подошвы бойцов впечатали павлиньи перья в мокрую траву.

– Везучий ублюдок! – яростно крикнул Черный Ульф и, перехватив оружие левой рукой, правой полез под гульфик. Минуту спустя он протянул Седьмому два золотых:

– Передай Вдовоёбу, дружок.

– Зачем это? – спросил тот.

– Передай Вдовоёбу! – рявкнул Ульф. – Он выиграл!

Седьмой осклабился, кивнул. Золотые поплыли по шеренге, звякнули в ладони Грача и оттуда переключались в лапищу лукаво ухмыляющемуся Вдовоёбу, а тот на пробу прикусил золото стальными клыками и отправил монеты за щеку. Вражеские арбалетчики дали еще один залп, прошедший над первыми рядами и обрушившийся на середину баталии. Сквозь пелену дождя уже можно было различить лица еретиков. Безнадёжная шеренга ступила на склон холма.

– Пики вперед! – заорал Чистоплюй. Грач наклонил пику, обеими руками поднял ее на уровень груди. Слева Седьмой сделал то же самое. Древки более длинных копий второго и третьего ряда легли им на плечи. Все, как учили. Слушай барабаны, слушай приказы, не дергайся и не паникуй. Танцуй последний танец с Пьяной Смертью.

– Бей крыс! – зарычал Вдовоёб, заноса над головой цвайхандер. Доппельзольднеры выступили вперед, круша мечами пики противника, открывая дорогу остальным бойцам. Заскрежетал металл, заскрипело дерево, полетели в стороны щепки. Краем глаза Грач заметил, как потерял равновесие, поскользнувшись, Черный Ульф, и как тотчас опустилась ему на темя вражеская алебарда. Ульф рухнул на колени, стиснул ладонями смятый шлем, пытаясь то ли снять его, то ли выправить, но мгновение спустя острие копья ударило его в лицо и опрокинуло на спину.

Несмотря на потери, баталия неумолимо ползла вверх по склону. Задние ряды напирали, сходили с ума барабаны, единый вой множества глоток рвал воздух на части. Грач не вопил. Стиснув зубы, он пытался достать пикой до еретика, стоявшего напротив. У еретика были светлые глаза и густые усы подковой, крашенные в синий. Грудь его закрывала кираса, а голову – кольчужный капюшон. Ни наплечников, ни наручей, ни набедренников. Грач целил в незащищенные конечности, но безуспешно – еретик оказался умелым, ловко отбрасывал пику Грача своей и постоянно контратаковал, не позволяя выбрать удачный момент для удара. Неизвестно, как долго продолжался бы этот поединок, если бы Вдовоёб не отсек синеусому руку по самое плечо.

Отбросив пику и выхватив кацбальгер, Грач устремился следом за Вдовоёбом в брешь во вражеском строю. Он должен был чувствовать ярость, злость, гнев – но не чувствовал ничего. Грохочущий вокруг хаос заполнил душу, вытеснил чувства и мысли. Он колот, рубил и резал, отбивал удары, перехватывал древки направленных в него копий. Рядом сквернословил Седьмой, за ним молился Книжник. Втроем они толкали Вдовоёба в спину, продавливая того сквозь вражеские ряды. Чуть левее, громогласно распевая псалмы, бился Чистоплюй.

А потом кто-то вцепился Грачу в запястье, заставив его завопить. Синеусый еретик, только что лишившийся руки, каким-то чудом поднялся на ноги. Бледное лицо ничего не выражало, светлые глаза стали совсем прозрачными и казались стеклянными. Грач пнул еретика

в живот, уронил на спину, но тот лежать не желал. Грач рубанул наотмашь, отсек ему оставшуюся кисть, однако мертвеца – а перед ним был именно мертвец – это не остановило.

– Великие Святые! – взвизгнул Книжник. – На благую волю вашу уповаем!

Погибшие еретики вставали со всех сторон. Окровавленные, затоптанные, изувеченные. Они сжимали оружие в уцелевших руках, готовые продолжать бой. Пьяная Смерть на сей раз совсем не вязала лыка.

– Назад! – прозвучала отчаянная команда Чистоплюя. – Отходим!

Легко сказать! Баталия громоздилась на склоне нерушимой стеной. Три с лишним десятка рядов, прущих напролом, жаждущих бойни и не представляющих, что ждет наверху. Тем не менее, Вдовоёб начал пятиться, без устали богохульствуя и отражая неприятельские клинки. Седьмой и Грач у него за спиной прорубали дорогу сквозь успевших подняться мертвецов. Книжник прикрывал. Но недолго. Мертвяки схватили его за щиколотки, уронили – и вогнули кинжал в загривок по самую рукоять.

Споткнувшись о тело Книжника, Вдовоёб повалился навзничь, увлекая за собой Грача. Тот выронил кацбальгер и покатился вниз по склону, сквозь грохот, под ноги напиранием соратникам. На него наступили. Потом схватили за рукав, потащили в сторону. Грач, очумевший от падения, не сопротивлялся.

Как выглядит мир? Это сплошное железо, да кровь, да черная земля. Чем он пахнет? Кислым порохом, травой да дерьмом. Как он звучит? Бесперывной барабанной дробью. Хохотом дудок. Траурным воем боевых горнов.

Затем в мире появилось серое небо. И серый дождь. И серая рожа Вдовоёба. Эту рожу разрешила ухмылка, полная гнилых зубов, среди которых выделялись два стальных клыка. Он рывком поставил Грача на ноги, толкнул в спину:

– Беги, мать твою! Быстрее!

Грач побежал. Сквозь высокий папоротник, мимо могучих пней, шатаясь, с трудом перепрыгивая через поваленные деревья. Впереди ждала тишина. И лес.

Только оказавшись под сенью огромных сосен, Грач понял, что он не один. Здесь были и Седьмой, и Чистоплюй, и Жонглер с обломком алебарды в руках. И Вдовоёб, конечно. А еще бойцы из других шеренг: аркебузиры Пырей и Маркиз, и Ржавый Курт, здоровенный детина, прозванный так за вечно неухоженные доспехи. Никто не преследовал их. Никто не последовал их примеру.

Голова до сих пор кружилась. Опустившись на корточки среди замшелых корней, Грач стиснул ладонями виски. Как делал Черный Ульф, пытаясь удержать в целости расколотый череп. Тихо, милый, тихо. Ты жив. Дыши. Дыши глубже. Когда, справившись с приступом, он выпрямился, остальные уже всю ругались.

– Тебе точно по башке алебардой угодили! – кричал, брызгая слюной, Седьмой. – Видел, что там творилось? Видел?! Эти ебаные уроды оживали! Я одному горло рассек от уха до уха, так он встал через минуту, как ни в чем не бывало. И лыбился, сукин сын, лыбился на меня обеими своими улыбками!

– Знаю, – спокойно отвечал Чистоплюй. – Но это не имеет значения.

– Что? – Седьмой издевательски хохотнул. – Ты меня слушал или нет? Воевать с покойниками я не собираюсь, да и смысла в этом никакого. Их уже уколошили, а им хоть бы хны! Нет, братцы, это ж чистой воды самоубийство, после которого мы... мы станем такими же.

– Вряд ли, – встрял Жонглер. – Наши мертвяки не поднимались. Только еретики.

– Точно, – подтвердил Пырей. – Только еретики. Навеки прокляты!

– Дело не в проклятии, – сказал Вдовоёб. – Им помогает их святой. Я не знаю, какой именно. Не очень разбираюсь.

– Лже-святой, – поправил Чистоплюй.

– Лже-святой, – без колебаний согласился Вдовоёб. – Конечно.

– А нам?! – не отступал Седьмой. – А нам кто помогал? Где Гюнтер Знаменосец, мать его в... – он осекся, покосившись на каменное лицо Чистоплюя. – Где Святой Рэв? Туман продержался недолго – я когда перну, и то больше тумана бывает.

Ржавый Курт с Жонглером усмехнулись нехитрой шутке, а Чистоплюй вздохнул и принялся объяснять, терпеливо и вкрадчиво, словно капризному ребенку:

– Туман и не должен был прятать нас. Задача стояла простая – добраться до врага, связать его боем, отвлечь на себя. Задачу мы выполнили. Даже несмотря на бессмертие, еретики не выдержали и сами же сломали свой строй, вlepили баталии в правый борт, подогнав пикинеров с левого фланга. С минуты на минуту туда вцепятся наши основные силы.

– Все идет по плану, – сказал Вдовоёб. – Верно?

– Не сомневайся. Еретики были бы уже обречены, если б умирали, как обычные люди. Вот для решения этой проблемы как раз и избрали нас.

– Кто избрал? – спросил Жонглер.

– Понятия не имею, – пожал плечами Чистоплюй. – Может, Гюнтер Знаменосец. Может, кто-то еще. Но мы уцелели в мясорубке и попали сюда не просто так. На нас возложена миссия – остановить грандиозное святотатство, творящееся сейчас на поле боя. У еретиков наверняка должен быть алтарь где-то в тылу. Мы пройдем туда по окраине леса, найдем алтарь и уничтожим его.

– И как же мы это сделаем? – Седьмой улыбался, но глаза его были полны ярости. – Небеса помогут, да?

– Да, – сказал Чистоплюй. – Ибо ереси Вольных Экзархатов есть испытание веры, ниспосланное Великими Святыми, дабы люди могли кровью своей смыть грехи предыдущих поколений...

– К дьяволу проповеди! – Седьмой махнул рукой. – Оставь их вон для Грача! Меня этим бормотанием не проймешь. Не для того я только что выбрался из преисподней, чтобы снова туда возвращаться.

– Тебе некуда идти, – сказал Вдовоёб. – Вглубь леса лучше не соваться.

– А вот рискну. Попытаю счастья. Нечисти этой лесной я еще в глаза не видывал, а на восставших мертвяков уже посмотрелся. Хватит.

– Никуда ты не пойдешь, – сказал Чистоплюй.

– Не тебе меня останавливать, старик. Еще как пойду – и пойду не один! Кто со мной, ребята? Кто не хочет обратно в лапы нежити?

– Я с тобой, – сказал Жонглер.

– В лесу страшно, – сказал Пырей, и Маркиз торопливо закивал, соглашаясь. – Но снаружи страшнее.

– Видишь? – торжествующе ощерился Седьмой. – Давайте-ка разделимся. Мы с парнями пойдем своей дорогой, а вы отправляйтесь искать тот ебанный алтарь, и да пребудет с вами благословение всех ма...

Он не договорил. Чистоплюй шагнул к нему, замахиваясь цвайхандером. Седьмой, захваченный врасплох, успел лишь отшатнуться да схватиться за рукоять кацбальгера. Лезвие двуручника, описав в воздухе красивую изогнутую дугу, ударило его в правую ногу, чуть ниже колена – и, пройдя ее насквозь, вонзилось в левую икру.

Седьмой начал орать, только упав на землю. Хвоя под ним стремительно окрашивалась красным. Зольднеры застыли, пораженные внезапностью случившегося. Маркиз с Пыреем потянулись было к оружию, но перед ними возник Вдовоёб с обнаженным мечом и гнилойухмылкой, и аркебузиры тут же передумали вмешиваться.

Чистоплюй деловито обошел Седьмого, не спеша примерился и одним ударом отрубил ему голову, прервав пронзительные вопли. Затем тщательно вытер мокрым рукавом лезвие цвайхандера и повернулся к соратникам.

– Никто не дезертирует, – спокойно сказал он. – Битва все еще идет, и мы по-прежнему в ней участвуем. До победы или поражения, как сказано в уставе. Ясно?

– Ясно, – хором отозвались бойцы. Маркиз с Пыреем – громче остальных.

– Наш отряд проберется в тыл врага, найдет источник поганого еретического кошуинства и положит ему конец. Командовать отрядом буду я. Кто откажется повиноваться, оскоплю. Ясно?

– Ясно!

– Вот и славно. Тогда в путь, нечего тут прохлаждаться, пока наши братья гибнут.

Вдовоёб забрал у Седьмого кацбальгер, отдал Грачу. Обмотанная кожей рукоять была липкой от крови предыдущего хозяина. Избранные небесами воины, то и дело спотыкаясь, угрюмо побрели через подлесок меж великанских сосен. Первым шагал Чистоплюй, замыкал Вдовоёб – оба с цвайхандерами на плечах.

Битва гремела справа – совсем рядом, но словно бы в ином мире. Звон стали, выстрелы аркебуз, барабанный бой, крики раненых и умирающих добирались сюда единым, нераздельным гулом. Если присмотреться, то сквозь пелену дождя за деревьями можно было различить пестрые знамена, под которыми шевелилась густая людская масса: шлемы, береты, перья, пики и клинки. Грач предпочитал смотреть в другую сторону.

Потому он и стал первым, кто заметил склеп. Неподалеку от их маршрута из зарослей поднималась покрытая мхом двускатная крыша, конек которой украшала сгнившая деревянная статуя. Черты ее уже нельзя было разобрать. Под статуей в бревенчатой стене чернел прямоугольник входа. Этой крыши хватило бы, чтобы накрыть богатый купеческий дом. Или деревенский храм. Зольднеры сбились в кучу, разглядывая сооружение.

– Не знаю, стоит ли туда соваться, – сказал Чистоплюй с подозрением. – Бьюсь об заклад, перед нами святилище еретиков.

– Вот именно! – сказал Вдовоёб. – Может, внутри есть то, что поможет понять, с чем мы имеем дело на поле боя. И еще, – он понизил голос. – Это место являлось мне во сне.

– Во сне?

– Несколько ночей подряд. Раньше не придавал значения, но сейчас увидел – и сразу узнал. Это знак свыше, дружище. Никак иначе.

– Хорошо, – нехотя согласился Чистоплюй. – Загляни. Только быстро. И захвати с собой Грача на всякий случай.

– Да, командир.

Вдовоёб подошел к строению первым и без всяких колебаний скрылся в черной могиле входа. Грач замешкался на пороге, вглядываясь в густую темноту. Из нее веяло плесенью, прелым подземным холодом. Невероятной, невозможной старостью. Что-то зашевелилось в глубине, из мрака вынырнул Вдовоёб.

– Чего застыл? – недовольно пробурчал он. – Здесь даже факелы оставили.

К тому моменту, как Грач спустился по скрипучей лестнице, Вдовоёб уже разжег огонь.

Свет факелов выхватывал из темноты осклизлые бревна стен. Грач двинулся вдоль правой, держа наготове кацбальгер, Вдовоёб пошел по левой стороне.

На первый костяк Грач наткнулся уже через несколько шагов. На скелете был ржавый ошейник, от которого к вбитой в бревно скобе тянулась короткая цепь. Грач содрогнулся. Незавидная смерть – в склепе посреди леса. Приглядевшись, увидел борозды, выцарапанные вокруг скобы – несчастный скреб ногтями дерево, пытаясь освободиться.

– Что это за дерьмо? – крикнул Грач Вдовоёбу.

Тот повернул к нему косматую голову, в отблесках пламени сверкнули стальные клыки:

– Если я все правильно понял, мы с тобой сейчас в храме Святой Крапалии. А у стен – ее мужья. Их тут должно быть семь или вроде того.

– Мужья?

– Символические. – Вдовоёб присел возле другого скелета, выудил из рукава короткий нож и принялся ковыряться в ошейнике.

– А что все это значит, позволь спросить? – Грач пошел дальше, считая костяки.

Вдовоёб хохотнул, и эхо его смеха ударило по ушам.

– Это значит, что положение наше незавидное. Еретики нашли склеп и присягнули Святой Крапалии. Потому теперь и оживают.

Грач нахмурился. Обойдя склеп по периметру, он вернулся к Вдовоёбу, который все еще ковырялся со своим скелетом. Всего выходило семеро мертвецов.

– Кто такая эта Крапалия?

Вдовоёб покачал головой:

– Не просто Крапалия, а Святая Крапалия. Святая Крапалия Плакальщица, приветствующая усопших, белая вдова Гаргантских Высот. Всегда полезно знать врага в лицо. Иначе воевать приходится вслепую. Улавливаешь? Я собираю все, что могу, о лже-святых, и лишь поэтому еще жив. Помню, попался мне один еретический капеллан...

– Подожди, – перебил Грач. – Давай сперва про Крапалию, а потом уже байки.

– Никаких баек. Тот капеллан мне о ней и рассказал. После своей порции бодрящего раскаленного железа, разумеется. Ее церковь мертва уже много лет. И даже среди еретиков считается еретической. Ну-ка, посвети сюда.

Грач опустил факел. Вдовоёб рассоединил половинки ошейника. Костяк повалился на пол. Поднявшись, Вдовоёб сказал:

– Найди камень какой-нибудь, – и сам двинулся прочь, внимательно глядя под ноги.

Грач принялся за поиски.

– Так что там с Крапалией? – напомнил он спустя пару минут.

– Святой Крапалией, – донеслось из-за спины. – Она была замужем за графом, и его убили. То ли во время междоусобицы какой, то ли во время бунта. Крапалия ушла в отшельничество на Гаргантские Высоты. Она молилась, чтобы ее горе осталось лишь ее горем, и ни одна другая женщина не испытала подобной потери. Но время шло, а ничего в мире не менялось. Тогда Крапалия обратила свои мольбы к лже-святым, и те ответили.

– Да ну!

– Она обрела силу поднимать мертвых, – сказал Вдовоёб, с камнем в руке направляясь к освобожденному скелету. – После такого у нее, разумеется, появились последователи. Воины, сопровождавшие Крапалию, назывались ее мужьями. Не знаю, был это просто титул, или... в любом случае, все закончилось довольно быстро.

– Как?

– Неизвестно, – Вдовоёб опустился на одно колено у костяка и положил рядом камень. – Говорят, будто Крапалию заточили в глубинах храма на берегах Гарганта, но в катакомбах до сих пор ничего не нашли. Еще говорят, будто ее вместе со всеми последователями заковали в цепи, посадили на корабли, а корабли те затопили то ли за Сутулым мысом, то ли у Селедочной Ямы.

Рассказывая, он взял в обе руки череп и шарахнул им об камень. Раз, другой, третий. Череп треснул, и Вдовоёб, уместив его на камне, загнал в образовавшуюся щель нож:

– Только все эти истории – ложь.

– Почему? – спросил Грач, наблюдая, как Вдовоёб водит клинком из стороны в сторону, все глубже загоняя нож.

Череп хрустнул и разделился на две половины.

– А потому, – сказал Вдовоёб, выживая из нутра черепа темный шарик, похожий на каплю застывшей смолы. – Потому что до сих пор кое-где находят дары Небес и храмы самой Крапалии с частями ее мощей. Посмотри! – и он протянул половину черепа Грачу.

Грач взял осколок, заглянул внутрь и тут же отбросил в сторону. Стенки черепа оказались угольно-черными внутри.

– Здесь был ее храм, сынок, – сказал Вдовоёб, убирая нож. – А вон там, – он указал рукой в центр склепа, – стоял ее алтарь, который эти ублюдки отсюда вытащили. Полагаю, там покоилась частица мощей, и теперь она у противника.

Грача впервые в жизни стошнило от накатившего страха. Вдовоёб сочувственно похлопал его по спине, протянул сухарь:

– На, заешь, а то еще и сдохнешь с пустым животом.

Чистоплюй встретил их угрюмым, усталым взглядом. С обвислых усов падали крупные капли, а рукава дублета обмякли, напитавшись влагой. За ним, озираясь по сторонам, теснились остальные бойцы.

– Ну? – спросил Чистоплюй. – Какие новости?

– Дерьмо новости, – ответил Вдовоёб, жуя полоску вяленого мяса. – Это склеп Святой Крапалии, и наши друзья, – он кивнул в сторону поля боя, – вытащили отсюда ее алтарь. Теперь эта шлюха поднимает их из мертвых.

– Проклятье! – харкнул под ноги Жонглер.

– Святая щель Святой Марты! – присел, опершись на аркебузу, Маркиз.

– Что нам делать? – спросил Ржавый Курт.

Чистоплюй пожал плечами:

– То же, что и планировали. Первым делом нужно высмотреть, где алтарь.

– Высмотрим, – кивнул Вдовоёб.

Высмотрели. Последний совет держали у небольшого холма, отделявшего их от позиций противника. Говорили тихо, но могли и перекрикиваться – дождь лупил так, что боевой горн хрен услышишь. Намокшая одежда липла к телу и неприятно холодила кожу. От одной мысли, что скорее всего уже никогда не придется оттирать ржавчину с кирасы, делалось тошно. Чистоплюй объяснял, остальные обступили его полукругом. Грязные, мокрые, усталые. Такие одинаковые и такие одинокие перед лицом грядущей драки.

– Мы в тылу, почти у самого обоза. Выныриваем из леса чуть левее и крадемся к телегам. Там оцепления немного, отсюда никого не ждут. Разбиваемся пополам. Я, Вдовоёб и Грач идем впереди. Аркебузы, Курт и Жонглер прикрывают нас со спины. Минуем обоз, с тыла заходим к алтарю.

– А у алтаря? – спросил Пырей.

– А у алтаря, – мрачно хмыкнул Вдовоёб. – Будем смотреть по обстоятельствам.

– А это точно план? – округлил глаза Пырей. – Пока похоже на дерьмо.

– Точно, на дерьмо, – поддакнул Маркиз.

– Полагаю, – сказал Чистоплюй. – Вы пропустили мимо ушей мои слова об оскотлении.

Острие его цвайхандера уперлось в гюльффик Пырею. Чистоплюй вопросительно вскинул бровь. Пырей пожал плечами:

– Память короткая, командир. От выстрелов этой малышки, – он провел ладонью по стволу аркебузы, – башка уже не соображает.

– А не надо соображать, за тебя уже все сообразили, – с этими словами Вдовоёб так хлопнул Пырея по плечу, что тот едва не напоролся на меч Чистоплюя, и кабассет с его головы слетел в грязь.

– Помолимся, – сказал Чистоплюй. – Лишним не будет.

Они крались вдоль кромки леса вслед за Чистоплюем, поглядывая сквозь заросли кустарника на сражение вдалеке. Грач же не обращал внимания на мельтешение отрядов противника

и крики, тонущие в пелене дождя. Он задумался о Святой Крапалии, и когда Вдовоёб, шедший перед ним, вдруг замер, как вкопанный, Грач врезался ему в спину. Вдовоёб пихнул его локтем:

– Тише! Мы у обоза.

Чистоплюй что-то прошипел, зашелестели кусты, и Вдовоёб потянул Грача за собой. Началось.

Место было выбрано удачно. Выйдя из тени деревьев, они сразу уткнулись в задний борт повозки, почти по самые оси ушедшей в грязь. Грач присел, вглядываясь в узкий просвет между днищем телеги и землей. С другой стороны между оглобелей виднелись чьи-то ноги, и, судя по упертому в землю древку, это был кто-то из охранения.

Грач поднялся, приложил палец к губам. Вдовоёб вытащил кинжал, одним движением вспорол полотнище тента и кивком головы указал на прореху. Грач ступил на подставленное Вдовоёбом колено и бесшумно забрался в повозку. Внутри пахло прелой соломой. В просвете выхода Грач увидел охранника. Совсем молоденький боец стоял, опершись на древко алебарды, и всматривался туда, где за стеной дождя железным морем бурлило сражение.

Доски скрипели под ногами Грача, но барабанный бой капель по тенту скрадывал все звуки, и страж так и не обернулся. Вытащив нож, Грач прыгнул ему на спину. Удивленно всхлипнув, тот завалился вперед, заерзал, растянувшись в грязи. Распахнул рот, собираясь закричать, но Грач полоснул кинжалом по немытому горлу. Раз, другой, третий, врезаясь все глубже, пока бегущая кровь не запузырилась. Грач вдавил лицо обмякшего парнишки глубже в грязь. Через полминуты тело под Грачом напряглось, пальцы заскребли, загребая комья грязи, руки уперлись в землю, пытаясь оттолкнуться, сбросить Грача, но тот пошире раскинул ноги, наваливаясь всем весом. С боков подскочили Вдовоёб с Чистоплюем – лица перекошены от напряжения. Взмыли вверх клинки цвайхандеров, и страж лишился рук. Подоспевшие Пырей и Маркиз вытянули в разные стороны ноги парня, а Курт и Жонглер отрубили их алебардами. Сам Грач, испытывая какую-то удивительную отрешенность, потянул голову солдата на себя, и грязь с влажным чмоканьем отпустила ее. Грач резанул кинжалом еще раз, лезвие скрежетнуло по позвонкам. Тогда он обхватил голову руками и, поднатужившись, свернул шею. Оборот, еще один – и голова повисла на тонкой полоске кожи. Грач рассек ее кинжалом и бросил голову под повозку. Поднялся на ноги, облокотился на оглоблю. Его начало мутить.

Чистоплюй сорвал с туловища лиловый плащ и бросил Грачу.

– Надевай, – сказал он. – Пойдешь впереди.

Грач несколько секунд недоуменно смотрел на скомканную тряпку, не понимая, что делать. Туловище стража у его ног мелко подергивалось. Тот был все еще жив. Грач не сомневался, что отрубленная голова под телегой сейчас беззвучно распаивает рот, силясь закричать, предупредить своих.

– Надень плащ, – тихо сказал Вдовоёб. – Надень и не думай ни о чем. Наша задача – алтарь. Думать будешь потом.

– Эй! – позвал их Пырей. – Гляньте.

Его дрожащая рука указывала на скопление повозок невдалеке. Над крышами виднелись подрагивающие наконечники пик, и до отряда донеслись приближающиеся голоса.

– Сучья мать! – оскалился Вдовоёб. – Быстрее!

Он первым бросился к повозкам, а за ним метнулись и остальные. Грач бежал, не отрывая взгляда от кольшущихся в воздухе наконечников, пытаясь их сосчитать. Выходило пять. Если, конечно, там были только пикинеры.

Их не ожидали встретить, уж точно не в самом тылу. Поэтому отряд пикинеров под предводительством молодого еретика с фламбергом на миг сбился и смешал строй. Поэтому тот самый, с фламбергом, опешил, недоверчиво вглядываясь в бегущих на него бойцов, и не сразу дал команду пикинерам. Поэтому те замешкались, выстраиваясь в шеренгу и опуская пики. Было уже слишком поздно.

Вдовоёб вклинился между выставленными наконечниками, рубя древки и сжимающие их пальцы. Схватив свой меч за лезвие свободной рукой, он ударил пикинера слева острием в ухо, тут же добавил в зубы локтем, одновременно впечатав наверх в висок пикинеру справа. Присел и вонзил острие в пах левому – а правый завыл, хватаясь за рассеченное до кости бедро. Одна за другой в грязь упали две головы.

Ржавый Курт скользнул боком, уходя от наконечника, метившего ему в грудь, дернул пику на себя и опустил алебарду на голову растерявшемуся солдату, смяв шлем и проломив череп. Вторым ударом он отсек противнику кисть и тут же рубанул по щиколотке. Последний взмах отделил залитую кровью голову от тела.

Жонглер поднырнул под древко, подбил его вверх плечом и полоснул обломком алебарды своего пикинера по животу. Тот упал на землю, вопя от боли, но Жонглер рухнул на него сверху, коленом на грудь, и выбил весь воздух из легких. Шипя, он тремя короткими ударами отсек незадачливому солдату башку.

Чистоплюй взмахом снизу отбил фламберг командира, впечатал подкованный каблук сапога тому в ступню, толкнул плечом, сбивая наземь, крутанулся, заноса тяжелый меч, и рубанул сверху, метя в открывшуюся шею. Командир успел уклониться, приняв удар на наплечник, но Чистоплюй наступил ему на живот, перехватил цвайхандер и вонзил сверху. Лезвие вошло командиру в раззявленный рот, выбив зубы, и пригвоздило голову к земле.

Меньше всех повезло Грачу. Его противник отбросил пику, вытянул из ножен меч и бросился навстречу. Грач метнулся влево, ткнул кацбальгером наугад, но острие лишь скользнуло по кирасе противника. Тот рыкнул, пригнулся, прыгнул вперед. Локоть пикинера ударил в челюсть, и Грач отскочил, взмахнув руками в попытке удержать равновесие, а перед глазами мелькнула сталь – враг метил в шею, но не достал. Грач попятился, но еретик тут же перешел в наступление, осыпая его ударами. Краем глаза Грач видел тени соратников, сосредоточенно кромсавших руки и ноги начавшим вставать мертвецам. Выждав момент, Грач харкнул в лицо пикинеру. Тот на миг замешкался, подняв руки, и кацбальгер Грача вонзился ему в подмышку. Еретик отпрянул, прижимая руку к ране. Грач пнул его ногой в пах, тут же всадил коленом в склонившуюся голову, опрокидывая корчащегося врага, и вогнал острие меча ему под нижнюю челюсть. Справа возник Ржавый Курт и сразу принялся рубить алебардой сучащие ноги.

Когда все было кончено, Чистоплюй оглядел тяжело дышащих бойцов и кивнул на изуродованные тела, подрагивающие в грязи:

– Плащи. Все берите плащи.

К побоищу приблизились Пырей с Маркизом и попадали на землю, закрываясь от ударов, которыми их осыпал Вдовоёб.

– Скотоложцы драные! – орал он. – Вы какого хера отсиживались?

– Да куда нам тут лезть, – жалобно проблеял Маркиз, закрывая руками лицо. – У нас оружия-то такого...

– Какого, святая блядь, оружия? – ревел Вдовоёб. – Вам на кой хрен ваши ебаные кацбальгеры? Чтобы вы в стороне штаны протирали, сучьи отродья?

Чистоплюй, брезгливо морщась от потока ругани, кое-как оттянул Вдовоёба от перепуганных аркебузирова:

– Всем строиться! Идем к алтарю! Ни с кем не говорить, ни на кого не бросаться – мы идем из тыла со срочным донесением командованию.

– А где командир-то тут? – спросил Ржавый Курт.

– Да какая разница, никто не будет проверять.

Так и получилось. Они шли, утопая в грязи, укутываясь в перемазанные грязью и кровью плащи, а мимо бежали запыхавшиеся вестовые, сновали священнослужители, юркие мальчишки таскали ящики с арбалетными болтами. Впереди краснело обмякшее, напитавшееся водой знамя еретиков, и где-то рядом должен был стоять алтарь.

Пару раз их окликали, но Чистоплюй односложно гаркал в ответ что-то неразборчивое, и вопросы отпадали. На середине пути прицепился помятый еретик с рассеченной башкой. Он истерически кричал и яростно махал руками, указывая на запад, где армия Пакта вминала в склон холма левый фланг еретиков. Чистоплюй пытался отмахнуться, но еретик отстал лишь после того, как Вдовоёб ухватил его за глотку и поднес нож к единственному уцелевшему глазу.

Отряд, охранявший алтарь, понял, что к чему, только когда Чистоплюй и Вдовоёб уже снесли по паре голов, а аркебузы Маркиза и Пырея пробили кровоточащие бреши в доспехах двоих алебардчиков. Ржавый Курт и Жонглер бросились вслед за Чистоплюем и Вдовоёбом в гущу схватки, стрелки принялись забивать пули в аркебузы. Грач поднял алебарду одного из убитых и первым делом разрубил на части ее хозяина, уже начавшего подниматься, но тут же обернулся на крик Вдовоёба. Именно тогда он увидел алтарь.

На сером неотесанном валуне покоилась полноразмерная рака, отлитая из серебра. Львиные головы по углам массивной крышки угрожающе скалились, из пастей капала дождевая вода. Как слюна, если бы эти львы были живы. Если бы они были смертельно голодны.

Грач смотрел на раку, и груди его клубился стылый ужас. Он ожидал увидеть маленький ковчежец с одной лишь засушенной кистью в нем или, в крайнем случае, урну с прахом. Но в таком гробу мог поместиться целый человек. Какие по силе мощи он скрывает? А что, если...

Его дернул за руку Ржавый Курт. Лицо перекошено, на щеке словно бы тряпка из струящегося алого шелка – лило из рассеченной башки, а сам Курт был бледнее смерти. Он ревел, утягивая Грача за собой туда, где рубились Чистоплюй и Вдовоёб. Туда, где покоилась рака. Где скалили клыки почерневшие от времени львы.

Грач последовал за Ржавым Куртом, но тот вдруг споткнулся, будто наступив в лисью нору, и сбился с шага, не дойдя нескольких шагов до пяточка, усеянного расчлененными телами, посреди которого бились допельзольднеры. Из кирасы его торчали два арбалетных болта. Курт падал, устремив остекленевший взгляд куда-то за низкие жирные тучи, и Грач упал рядом, укрываясь его большим телом. По лицу неприятно шоркнула сталь кирасы, а в нос ударил стойкий запах закисшей от пота одежды.

Он ошалело завертел головой, высматривая арбалетчиков, и в тот миг, когда увидел их – буквально в тридцати шагах, впятером натягивающих тетивы для следующего залпа – на плечо ему опустился тяжелый ствол аркебузы, а Маркиз из-за спины крикнул:

– Не шевелись!

Тут же до слуха Грача донеслось шипение фитиля. Краем глаза он заметил, как Пырей, растянувшийся рядом в грязи и тоже прикрывающийся телом Курта, прикладывает к своему ружью. А еще он успел заметить, что от арбалетчиков по дуге, чтобы уйти с линии огня, к ним бегут трое мечников. У одного из них не доставало левой руки, и он волочил цвайхандер правой, чертя в грязи глубокую борозду.

В следующий миг над ухом громынуло, в глазах от грохота вспыхнуло, щеку на миг опалило раскаленным железом, и по ней тут же побежали жаркие струйки из моментально оглохшего уха. Обзор закрыло облако порохового дыма, забившее ноздри кислой ватой.

Маркиз и Пырей оставили аркебузы, бросились вперед, обегая ошеломленного Грача и выхватывая на ходу кошкодеры. Вдалеке трое уцелевших после выстрелов арбалетчиков уже вскидывали оружие, готовясь стрелять. Маркиз с Пыреем рванули навстречу мечникам, не давая стрелкам толково прицелиться, и Грач, еле поднявшись и преодолевая тошнотворное головокружение, поспешил следом.

Он успел сделать несколько шагов, прежде чем почувствовал удар в шею. Голова мотнулась, в горле тут же заклокотало на вдохе, а под воротник побежало горячее. Грач потянул руку к горлу, но, не донеся, наткнулся на что-то твердое. Прикосновение пронзило тело болью. Он скосил глаза вниз и увидел, что из шеи тянется конец болта с жестким оперением. Это уже

было, подумал Грач. Это случилось с Рудольфом из Гробенвальда, капитаном нашей баталии. Теперь я знаю.

Ноги подкосились, он выпустил из пальцев алебарду и опустился на четвереньки, глядя, как густая кровь капает в грязь, смешиваясь с мутной дождевой водой. Из чего состоит мир? Из воды да грязи. Из чистой воды да черной грязи. Из...

Он вынырнул из тягучего, вязкого кошмара, хрипя от ужаса. Воздух еле пробивался в простреленную гортань, и Грач чувствовал, как пузырится кровь в ране. Вдовоёб тащил его за ногу, тянул за собой к раке. Неподалеку двое вражеских мечников осыпали ударами упавшего Маркиза. Пырей лежал рядом, недвижимый, втоптаный в грязь. За спинами еретиков мелькнул Жонглер, и голова одного из них слетела с плеч.

Оперение болта в шее покачнулось, в глазах начало темнеть, но тут Вдовоёб приподнял Грача, усадил спиной к валуну, на котором покоилась рака. Грач встретился с Вдовоёбом взглядом. Тот подмигнул, разрезал ножом ремни его кирасы, снял ее и отбросил в сторону.

Грач, не в силах шелохнуться, судорожно хватал ртом воздух и наблюдал, как Вдовоёб приставил острие ножа к его груди и со всей силы ударил по навершию, загоня лезвие ему в грудь. Нож вошел внутрь с влажным хрустом. Треск хрящей и костей заглушил остальные звуки, в легких вспыхнул нестерпимый жар, он попытался закричать, но вновь погрузился в бездонную трясину беспамятства.

Когда Грач опять пришел в себя, Вдовоёб шарил руками где-то у него под затылком. Зазвенел отброшенный в сторону наконечник болта. Вдовоёб ухватился за древко со стороны оперения, вытянул его из шеи с чавкающим звуком. Грач почувствовал зуд в глубине раны, подался вперед, выкашливая из горла сгустки крови. Недоумение постепенно сменилось ужасом, еще более глубоким, чем пережитый минуту назад. Сменилось пониманием.

Осклизлые стены склепа.

Поблескивающий смоляной шарик в руке Вдовоёба.

Осколок черепа с угольной чернотой внутри.

Кислый запах собственной блевотины и протянутый Вдовоёбом сухарь.

Грач опустил взгляд на свою грудь, залитую свежей кровью, на зияющую под распахнутым дублетом рану. И на пульсирующий алый комок в руке Вдовоёба. В груди разливалась гулкая и тоскливая пустота. Там больше не билось сердце.

Вдовоёб оскалил в улыбке стальные клыки и дружески похлопал его по плечу. Грач начал вставать, опираясь о камень, а когда поднялся, рядом с Вдовоёбом появился Чистоплюй.

– Мощи! – орал он. – Быстрее, пока еретики опять не встали. Жонглер их держит!

Не дожидаясь помощи, он вставил лезвие цвайхандера в щель между крышкой и стенкой раки и налег на рукоять всем весом. Тяжелая крышка заскрежетала, отползая в сторону.

Чистоплюй заглянул внутрь и отшатнулся.

– Тут целые мощи! – крикнул он – Великие Святые, она здесь целиком! Грач, сюда, быстро!

Сам он тут же запрыгнул наверх. Уперев ноги в бортики раки, приподнял сползшую крышку и сбросил ее вниз, открывая саркофаг полностью. Грач вскарабкался следом и встал рядом с Чистоплюем, едва удерживая равновесие на узком бортике.

Иссушенное тело Святой Крапалии, укутанное в истлевшую белую плащаницу, лежало в смиренной позе усопшего со сложенными на животе руками. Лицо закрывала стальная маска с выгравированными на щеках цветами.

Чистоплюй кивнул Грачу на мощи, занес меч для удара, но опустить его не успел – вместо этого сам рухнул с бортика на землю. Он покатился по земле, вопя и хватаясь за левое колено, ниже которого у него больше не было ноги. Кровь била из обрубка тугими частыми всплесками,

а Вдовоёб уже вновь поднимал свой меч. Всполох стали – и голова Чистоплюя с застывшим на ней недоуменным выражением покатила прочь.

Это тоже уже случалось раньше, подумал отрешенно Грач. То же самое произошло с Седьмым. Мир, будто узор на огромном ковре, состоит из повторяющихся рисунков. Из отрубленных ног да отрубленных голов. Из крови, рвущейся на свободу из отслуживших тел.

Вдовоёб, перемахнув через бортик раки, склонился над Святой Крапалией, дернул на себя рассыпающийся плат, обнажая бурую грудь, посреди которой чернела дыра. Словно вход в ее склеп, пахнувший сыростью и холодом. И в эту дыру, затаив дыхание, Вдовоёб опустил все еще бьющееся сердце Грача.

Со стороны сражения донесся восторженный рев множества голосов. Грач распознал в нем Гимн Блаженному Иоганну – излюбленную песню зольднеров Людвига Растяпы. Это значило, что план Чистоплюя сработал. Ход сражения переломился. Еретики умирали окончательно. Мир вновь качнулся перед глазами Грача. Вновь зазвучали в ушах далекие цимбалы наплывающего кошмара.

Вдовоёб выбрался из раки, отошел на пару шагов, не сводя глаз с серебряных стенок:
– Свидетельствуй! – крикнул он Грачу. – Я видел все это во сне! И ты увидишь!

Грач тоже спустился, поднял с земли цвайхандер Чистоплюя. Острие меча нацелилось Вдовоёбу в грудь.

– Напрасно, – сказал тот. – Это еще не конец. Теперь я знаю точно.

– Нет, – ответил Грач. – Не знаешь.

Вдовоёб лишь покачал головой, а за спиной Грача раздался протяжный хрип. Затем исступленный, тяжелый вдох и снова хрип. Звуки доносились из раки. Грач обернулся.

На бортик легли темные, словно обугленные косточки пальцев. Следом возникло истлевшее предплечье, а за ними поднялась голова. Плащаница осыпалась с почерневшей плоти крохотными лоскутками, а дыра в груди лучилась слабым белым светом.

– Я вижу, – прошептал Грач, опускаясь на колени.

Святая Крапалия села в своем гробу. Свет в дыре полыхнул ярче. Края ее стянулись, и темная плоть начала светлеть, наливаясь жизнью. Очертились нагие груди, напряглись сухожилия под белой кожей шеи, задрожали длинные тонкие пальцы с заостренными ногтями, снежной волной упали на плечи длинные прямые волосы. В прорезях маски ледяными топазами полыхнули глаза. Святая Крапалия Плакальщица, приветствующая усопших, белая вдова Гаргантских Высот встала во весь рост, тонкая, обнаженная и ослепительно прекрасная.

Она сошла из раки к мертвым. Ее ступни не приминали траву и не оставляли следов в жидкой грязи. Шаг за шагом она приблизилась к застывшему Грачу и опустила холодную длань ему на лоб. Другой рукой она взяла руку Грача и приложила его ладонь к своей груди. Туда, где билось его сердце.

– Тебе воздастся, – сказала Святая Крапалия, и голос ее был подобен пению сотни ангелов – он вдавливал дрожащего Грача все глубже в грязь, а только-только переставшее звенеть ухо вновь закровоточило.

Восторженный рев на поле боя сменился воплями ужаса. Грач посмотрел на запад, где армия Порохового Пакта всего мгновения назад добивала последних еретиков, и увидел, как с земли вздымается в небо кошмар, подобный тому, что встретил он в своем посмертии. Бледный, сочащийся кровью вал беспорядочно слепленной плоти, ощетилившийся вросшим в саму плоть металлом: пиками, алебардами, мечами, обломками доспехов. Вал поднялся, застыл в верхней точке и рухнул вниз, погребя под собой воющих от страха людей, но тут же поднялся вновь – еще больше, еще выше, чем прежде, разделился на два щупальца из перемешанных, переломанных тел и опустился вновь.

А пустота в груди Грача вдруг наполнилась приятным теплом. Он опустил глаза. Края раны сходились, кожа наплывала на разрез, закрывая его от холода внешнего мира. Он почувствовал, как встают на место ребра. Как новое живое сердце делает под ними первый удар.

А потом он увидел, как Жонглер, подволакивая ногу, пятится от порубленных тел арбалетчиков и мечников, тонущих в грязи, словно бы само поле засасывало в себя мертвецов. Жонглер оглянулся на Грача, обескуражено дернул подбородком, но в тот же миг земля под его ногами разошлась, и еще одно бледное щупальце, увенчанное жалами мечей, ударило Жонглера в живот, пробив в нескольких местах кирасу и пронзив его насквозь, подняло вверх и грянуло оземь. Грач успел услышать, как тонко и отчаянно закричал Жонглер прежде, чем исчезнуть под бугрящейся мышцами и костями бесформенной массой.

Грач понял, что обоссался.

К нему подошел Вдовоёб.

– В моем сне Святая Крапалия пообещала, что я стану ее полководцем, – сказал он. – И сдержала слово. Баталии Рудольфа из Гробенвальда больше нет, ты свободен от клятв и волен идти, куда пожелаешь, но... давай ко мне доппельзольднером? Ты же мечтал о двойной оплате. Станешь командовать десятком для начала, – Вдовоёб задумчиво оглядел поле сражения, где щупальца воскресшей и преобразившейся плоти то хлестали по земле, словно плети, то сливались в сплошную стену и накатывали волной на остатки благочестивого военного люда, рассеянные по всему полю. – Решай быстрее. Сегодня погибло немало хороших парней. Их жены сейчас в лагере воют от горя – вечером я буду занят.

Он вернулся к Святой Крапалии и, встав за левым плечом белой вдовы, принялся вместе с ней наблюдать за подходящей к концу бойней. Грач остался один.

Он думал о павших соратниках. Сколько их было за полтора года? Не вспомнить – ни прозвищ, ни лиц. А сколько умерло в последние минуты? Голова Чистоплюя глядела с земли пустым взглядом куда-то мимо Грача. В одном из щупалец мелькнули изломанные фигуры Ржавого Курта и храброго капитана Рудольфа из Гробенвальда. Неподалеку валялась брошенная аркебуза Пырея. Через полтора года он не вспомнит и их лиц.

Сердце в груди гнало по венам горячую кровь. Рубец на шее почти уже не зудел. Найти бы только новые штаны взамен обоссанных.

Двойная оплата – пожалуй, лучшее предложение, какое он получал за всю жизнь.

– Эй, Вдовоёб! – крикнул Грач. – Меч Чистоплюя я забираю себе!

Накидка из шкуры Времени

Лора Фарлонг

*«Когда исчезла Смерть, они радовались.
А потом плакать стали».*

Смерть пропала. Каждый в Маунт-Даре это узнал. Этот небольшой город, давно выросший у подножья горы, встретил эту весть жизнерадостным смехом. Все пришло в движение. Казалось, возликовали приземистые белые дома, зашатались зубы высокого частотокола, а вокруг него зашумел рябиновый лес. Опустела шахта. Рабочие бросили кирки, оставили вагонетки, единой волной рванулись по темным тоннелям к свету дня. Марбл видел их сквозь разноцветные стекла окон на колокольне церкви. Отсюда шахтеры казались грязными каплями на чистой рясе города.

– Смерти больше нет! – кричали они, обнимали, целовали жен и детей. Грязные, пыльные, счастливые перекаати-полем носились они тогда по улицам, поздравляя знакомых, всех и каждого.

Марбл не спешил, перебирал в пальцах алые бусины молитвенных четок. В радостном гомоне ему слышался далекий гром. Смерти больше нет. Что-то страшное мерещилось ему в этих словах. Ему не хотелось верить. Он чувствовал, как на шеях людей рвались ошейники страха перед погибелью, перед Рекой Душ. Марблу казалось, что эти люди, черные от угольной пыли из недр горы, вставали с колен. Как дикие псы они отряхивались от ужаса, сбрасывали его с себя.

Смерти больше нет. Ни за кем больше не придут ее слуги-тени, не уведут в другой мир. Марбл должен был ликовать вместе со всеми, но он не радовался.

Из дверей шахты хлынули крысы. Серая армия угольно-черных тварей вырвалась наружу. Священник молился, чтобы все шахтеры покинули забой. Крысы бежали только перед обвалом.

Марбл припал к витражному окну. Ему померещился жуткий грохот, удар. Так падали камни в подгорных тоннелях. Священник вздрогнул. Шахта выдохнула облако черной пыли. Люди за цветным стеклом испуганно заозирались, затихли.

– Обвал в тоннеле! А где же Морри?! Там Морри! Мой Морри! – пронзительный голос вспорол тишину. Женщина, крепко сбитая, в синем выходном платье, бросилась ко входу в шахту.

Марбл сошел по ступеням, приподнимая полы своей белой рясы.

Он знал, что от него потребуется.

Он был служителем Жизни, но его вынуждали провожать тех, за кем приходили тени Смерти. Марбл видел их слишком давно.

Теперь мужчина – тогда мальчишка.

Он почти умер в медвежьих когтях. У слуг Смерти не было лиц – только мрак, облаченный в доспехи, выкованные из обрывков ночи. В тот день эта тьма протянула ему руку в латной перчатке. Марбл был готов ухватиться за нее, но чей-то властный голос сказал: «Еще не время», и черная рука исчезла.

Медведь лежал, убитый сияющей стрелой. Марбл поднялся на ноги. Перед ним стояла молодая женщина в желтой кожаной куртке. Руки его спасительницы сжимали рукоять лука. Он смотрел на женщину, не веря, что жив.

– Хороша сегодня охота, а, Мраморный Волчонок? – она улыбнулась, склонилась над медведем.

В руках ее блеснул нож, она вспорола зверю брюхо, вытащила внутренности. Она мяла их, выворачивала наизнанку. Марбл хотелось убежать, спрятаться. Но он стоял и смотрел. У женщины были темные волосы и молодое ясное лицо. Ее зеленые глаза изредка весело поглядывали на него, но руки не останавливались ни на миг.

– Почему вы называли меня Мраморным Волчонком? – спросил Марбл*, неотрывно смотря на ловкие руки женщины.

– Так тебя зовут, разве нет? – ее светлые руки были перепачканы в крови, но ему казались чистыми.

– Я не понимаю, – покачал головой он. Марбл никогда бы не признался, что и не желал понять. Ему только хотелось, чтобы она говорила. Он жаждал слушать.

– Может, потом поймешь, – махнула рукой женщина, и капли медвежьей крови слетели с ее пальцев, запятнали одежду Марбла.

– Вы богиня? – дрогнувшим голосом спросил мальчик, не видя ничего, кроме блестящих зеленых глаз.

– Все может быть, в Пограничном Мире и не такое можно увидеть, – усмехнулась она и пожала плечами, поднялась на ноги. – Вот, держи подарочек, – протянула ему алые молитвенные четки, которые вытащила из медвежьих кишочек. – Мне пора, Мраморный Волчонок.

Женщина исчезла, а он так и остался стоять рядом с убитым медведем. Марбл крепко сжал в руке липкие от крови молитвенные четки.

Он шел по ступеням своей церкви. Он – пастырь заблудших овец. Это – его город, его люди. Тысячу лет назад они пришли за ним сюда, их руками он выстроил храм во имя своей спасительницы. Марбл назвал ее Жизнью и ей служил. Он не мог уследить, вспомнить, сколько поколений сменилось с тех пор, как он был мальчиком. Лица теперь были другие, люди вокруг были детьми детей, последовавших за ним. А может, и не были.

Лицо Марбла было молодым, но для всех в Маунт-Даре он был старейшиной, реликтом былых времен. Мраморной статуей святого.

Пастырь шагал по площади, и толпа расступилась перед ним. Напуганные грязные лица смотрели на него. Марбл желал возвращения спасительницы, он хотел показать ей, каким стал. Но теперь он молил богиню не являться сегодня в его город, такой несовершенный, такой дикий, такой грязный.

В свете масляных фонарей все казалось нечетким, темным. Тени плясали на стенах тоннеля, угольная пыль забивалась в легкие. Проход был широким, но идти было нелегко. Слишком грязно. Марбл сглотнул, его тянуло вернуться домой, в прекрасный светлый храм. Туда, где витражи, где он мог забыться и ждать возвращения богини. До забоя оставалось немного. Пастырь чувствовал животный ужас своих овец. Они сомневались теперь в том, что Смерть исчезла. Слишком осязаемой она была здесь, слишком многие погибли на забое. Точно в первый раз, священник не хотел идти, смотреть на раздробленное тело. Он забыл тогда, что Смерть исчезла. Ему казалось, что ее тени уже стояли за его спиной, коршунами глядели на мертвого шахтера.

– Морри! Мой Морри! – стенания женщины, бросившейся к завалу, точно ножом полоснули по слуху Марбла. Люди тут же зажали ей рот – горы не терпели шума. Содрогаясь всем телом, теперь молча, жена пыталась вытащить, освободить мужа от плена обрушившейся горы. – Помогите! Да помогите же! – яростно шептала вдова.

Послышался стон под грудой камней.

– Он жив! Он дышит! Слышите?! Слышите?! – ее мольба превратилась в пронзительный вопль охрипшей баньши, кричащей на болотах.

Мужчины и женщины оттеснили Марбла, кирками превратили камни в пыль, балками укрепили проход. На лицах застыло упрямое выражение тупой уверенности в собственных

силах. Они слышали, что человек под завалом еще стонал, дышал. Поэтому они боролись с горной стихией. Этот народ показался пастырю ополчением, уничтожающим врагов своего города. Они были готовы умереть, но спасти. Только Смерти не было. Марбл вспомнил это, когда человеческое море отхлынуло, когда женщина в ужасе закричала, когда людское месиво из раздробленных костей и лопнувших мышц зашевелилось, попыталось подняться.

– Смерти нет, – прошептал Марбл, до боли сжимая в ладони алые молитвенные четки.

Он бросился прочь, не разбирая дороги. Пастырь слышал, что его перепуганные овцы следовали за ним, но ни разу не обернулся.

– Закрывать тоннель! – приказал он не своим голосом, когда их лиц коснулся солнечный свет.

* * *

– Как она могла? Как она могла нас оставить?! Почему она не приходит? – полубезумно шептали старики, шамкая беззубыми ртами.

Марбл не мог больше слышать их, спрятанных в крипте под храмом. Они были слишком стары, чтобы жить, они не могли умереть. Некому было прийти за ними, увести их за руку в другой мир. Им больно, они устали.

Пастырю нужно было принять решение, спасти своих несчастных овец. Что ему делать, что? В огне рун на молитвенных четках ему мерещился ответ.

И Марбл решился. Он должен был призвать Смерть. Или стать ею.

Воспоминания об этом казались теперь черно-красным сном. Тогда он и его священники впервые оделись в рясы цвета спелой рябины.

Сквозь ночь священники шли к кургану. Скелет дракона был опорой, черная земля, наросла на кости вместо мяса. Вереск панцирем закрыл остов чудовища. Мрачной процессией пастырь и овцы шагали к холму. Под уздцы они вели лошадей, тянувших непосильную ношу.

На вершине кургана священники вырыли глубокую яму – голыми руками. Так приказал пастырь. Они вбили в землю столб, на котором Марбл вырезал древние руны с молитвенных четок и улыбающееся женское лицо. Оно казалось всем смутно знакомым.

Из тьмы под руки вывели добровольца. Он был почти слеп, его голова качалась из стороны в сторону. Он был двухсотлетний ссохшийся старик, слишком уставший жить. Мужчина и женщина – высокие, темные тени, – подвесили его, как жертвенное животное. Они закрыли собой тщедушное тело.

– Во имя Смерти и ради Жизни, пусть возобновится течение Вечной Реки! – в унисон произнесли они. В их голосах – бой барабанов, в их глазах – раскаленный металл. Они хотели казаться смелыми, но пастырь кожей чувствовал их страх.

Марбл отвернулся, чтобы не видеть, как пустят кровь, как задушат последний вздох. Это должно быть сделано. Люди должны умирать. Они этого хотели, молили об этом. Почему же в его ушах до сих пор звучал крик жертвы?

Или это был его собственный?

Немертвый с распоротыми животом и горлом сошел с жертвенного столба. Голова свесилась назад, чудовищной улыбкой показывая кровотокающую глотку. Дрожащие скрюченные пальцы тянулись к пастырю, ища помощи, поддержки, защиты.

Священники бросились прочь. Марбла стошнило.

* * *

По улицам Маунт-Дара блуждали немертвые. Покореженные, обожженные, путающиеся в собственных вывалившихся внутренностях, разлагающиеся. Во всех городах Пограничного Мира не было Смерти.

Марбл и его священники приносили жертву за жертвой, но только пополняли чудовищное воинство, заполнившее улицы. Немертвые были не врагами и не друзьями. Они – те, чьи до боли знакомые лица гнили, кусками мяса падали на дорогу.

Небо охрипло от кашля – с него сыпались немертвые птицы и звери, чудовища. Они казались Марблу знаком войны в Бессмертном Мире. Ему слышался бой барабанов, марш невидимых армий там, где Жизнь и Смерть, Любовь и Обман, Судьба и Снотворец обретали плоть. Оттуда они правили, повелевали всем и всеми. Теперь же они призывали к оружию тех, кто жил в Пограничном Мире.

Марблу казалось, что где-то там, за хриплым небом, была его спасительница. Он днем и ночью ждал ее клича, собрал для нее Мраморных Волков – монахов, обернувшихся мясниками. В Пограничный Мир пришел Зима. Он изгнал Весну и Осень. Яростно, зло, безжалостно наслал мороз и снег. Никогда раньше он не являлся сюда, но теперь не желал уходить.

Когда наступили холода, и все покрылось коркой льда, пастырь стал вожаком. Он выл на кровавую луну, и его стая – вместе с ним. Они не охотились на зверей, не могли их убить. Но ни дня не проходило без жертв.

Мраморные волки в алых рясах больше не боялись крови. Им нравилось по капле выдавливать, выжимать ее из почти мертвых тел.

Марбл теперь сам наносил удар. Четки обжигали ему ладони, требовали новых жертв.

Кровь – рябина на барабане из оленьей кожи. Крупными алыми ягодами она застывала на белом снегу. Своими белыми руками Марбл мял, давил, менял тех, кто устал. Ему нравилось видеть, как по мрамору его кожи растекался красный жизненный сок.

Волки рыскали по миру, охотились, приносили в промерзший храм желанную добычу. Они не помнили иной жизни, привыкли к немертвым. Волки забыли о Жизни и молились теперь пропавшей Смерти. Они воздвигли ей мраморную статую. Сделали ее улыбающейся женщиной в кожаной куртке с луком в руках. На голове у нее – венец из рябины.

Марбл склонился перед статуей, соединил ладони в молитвенном жесте. Четки обжигали пальцы.

– Из лучших лучших надо брать всегда, иначе кровью станет вдруг вода, – произнес нездешний голос за спиной вздрогнувшего пастыря.

Марбл обернулся. Перед ним был конь, с которого сняли шкуру, а мышцы превратили в кости. На шее и боках виднелись незажившие раны от огромных когтей. Глаза были белыми и светились. Кровавые слезы замерзли на щеках. Посередине лба призрачно горел витой рог. От ноздрей коня не шел пар.

Марбл замер перед единорогом. Человек боялся.

– Господин желает видеть тебя, смертный, – сказал конь, в его потусторонне-белые глаза было больно смотреть.

– Зачем? – спросил пастырь и закашлялся – холодный воздух царапал горло.

Единорог не ответил, повернулся боком к человеку. Молитвенные четки приказывали садиться в седло, выполнять волю господина. Марбл не хотел.

Он сел на коня.

Жеребец заржал, сорвался с места. Все вокруг зарябило, заколыхалось, точно со стола резко сорвали белую скатерть, скомкали ее, бросили где-то позади. Осталась только чистая тьма. Смертный крепче схватился руками за гриву коня – тот скакал так быстро, словно пытался обогнать время.

* * *

В Бессмертном Мире на руинах великого замка пастыря ждал бог. У него было четыре руки и три крыла за правым плечом; кожа – полупрозрачная, белая, как будто сброшенная змеей; на лице горели огненные руны. Он был одет в серую мантию.

Этот бог с по-детски злобным лицом сидел на высоком троне из поломанных каменных изваяний. Он и сам напоминал статую. Только ни один скульптор не смог бы передать то сильное выражение презрения, с которым владыка этих мест смотрел на Марбла.

– Ты и твои прислужники... вы поклоняетесь Смерти, – он не спрашивал, но утверждал. – Вы жаждете ее возвращения, – он сжал подлокотники своего трона.

Марбл молчал, почтительно склонив голову. Богам нельзя смотреть в глаза, перечить, выказывать неуважение – так говорили четки. Они обвивали запястья, связывали, как цепи. Затягивались все туже.

– Что ж, ты принес мне много жертв, смертный. – Камень крошился, сыпался под его тонкими длинными пальцами. – Я знаю, куда делась Смерть.

Пастырь вздрогнул, но не поднял головы.

– Но я скажу это тебе, если ты принесешь мне накидку из шкуры Времени, – на лице бога рваной раной зияла полубезумная улыбка. Он помолчал. За его спиной стояла армия черных теней, когда-то служивших Смерти.

– Убей его, убей Время, сдери шкуру, сделай плащ, принеси мне, – он смаковал каждое слово. Он не просил – повелевал.

Крошащийся камень бог обратил в угольную пыль, бросил ее в лицо пастырю. Марбл закашлялся, он ничего не видел – плотной черной пеленой затянуло мир вокруг. Когда туман рассеялся, мужчина оказался у мраморной статуи женщины, державшей в руке лук. На голове ее был венец из рябины.

Пастырь стоял на коленях. Снег облепил алые полы ряссы. Марбл поднялся. Его ждала охота.

Пора созвать Волков.

* * *

В их диких глазах – ярость, голод и гнев. Красношкурые оборотни бежали от города к городу, а за ними следовала вьюга. Живые прятали мертвых – иначе волки вгрызались в их глотки. Звери стали кошмаром Пограничного Мира. Говорили, когда-то они были людьми, но за долгой охотой это забыли.

Крепкие тела, быстрые ноги, сильная воля. Они теперь были волками. Стая красной стрелой летела через заснеженную равнину, окруженную горами. Густая шерсть цвета крови, острые когти, звериная жестокость. Охота. Мраморные Волки загоняли зверя, имя которому Время. Они чуяли смрад его тела, его страх. Близко. Совсем близко.

Вожак не хотел помнить, что когда-то был человеком. Он больше не молился, не просил. Никто не мог ему помочь – только он сам. В волчьем разуме не было места людским мыслям – только раненый шестиглазый олень, чья морда облеплена ледяными мухами. Марбл помнил, как вцепился ему в ногу, но тварь успела сбежать. Больше ей это не удастся.

Не сегодня. Вожак чуял кровавый след. Его стая рычала, неслась за ним красной лавиной. От них не спастись. Лапы проваливались в снег, это не могло замедлить волков. Марбл чувствовал их ярость, она подпитывала его, заставляла бежать еще быстрее. Он слышал бой барабанов – буря позади праздновала их охоту, близость их цели.

Вожак слышал голос бога: убей, убей, убей. В ритме этих слов бились волчьи сердца. Молитвенные четки рябиновым ошейником обвились вокруг горла Марбла. Он не отдаст свою добычу никому, в зубах принесет ее господину.

Дыхание паром вырывалось из распахнутых пастей. Волки устали, но выдохся и олень. Время бежал все медленнее. Марбл знал, что скоро сможет вцепиться ему в глотку. Он хотел этого – нёбом почувствовать кровь, насытиться теплым мясом.

Никто не станет читать молитв о тех, кто не смог бежать. Их оставили, бросили, забыли. Всех тех, кто не сменил человечесьи шкуры на звериные. За вожакom следовали только сильные. Из лучших лучших надо брать всегда, иначе кровью станет вдруг вода.

Стая жадно пила воду из незамерзавшего родника. Она казалась им оленьей кровью. Раньше – священники, мясники, теперь – дикое племя на звериной охоте. Они загоняли добычу. Время отчаянно рвалось к собственной гибели. Волки шли по его следам.

Марбл замедлился, останавливая стаю – впереди было озеро. Лед был тонким и хрупким – битым стеклом он лежал на поверхности воды. Вожак помнил, что многие пошли здесь ко дну – холодные течения унесли их в другие миры, не оставив даже костей. Олень этого не знал. Он беспомощно бил ногами, барахтался, пытался опереться на непрочную корку льда. Она рассыпалась, как хрусталь.

Марбл поплыл. Молитвенные четки горели огнем, придавали сил. Вожак был готов бороться. Его стая загнала добычу, но убить ее он должен сам.

Время беспомощно взвыл, заметив волка. Шестиглазый олень пытался уплыть, но оборотень был сильнее, быстрее. Марбл греб лапами, не чувствуя холода. Он видел, что его добыча выбилась из сил, замерзла, не могла больше держаться на поверхности. Олень пропал под толщей воды. Волк нырнул за ним. Во тьме он видел ясно – казалось, сама его шкура светилась. Время двигался медленно, застывал, он не мог бороться.

Легкая добыча. Слишком легкая.

Марбл вцепился оленю в глотку. Из нее хлынула теплая кровь. Вожак напряг все силы, чтобы вытащить тяжелое тело на поверхность. Стая помогла ему, вынесла на берег, согрела.

Полуразложившаяся, покрывшаяся льдом туша оленя лежала перед ними. Время был мертв. Стая заворожено смотрела на него. Он был единственным мертвецом за последние несколько столетий. В шести невидящих глазах Марблу мерещилась усмешка. Вожак сильным ударом раздробил череп оленя.

Это стало концом охоты. Волки знали, что нужно снова обратиться в людей. Только они забыли, как ими быть. Не хотели вспоминать. Стая распалась, сбежала. Марбл остался один. Острыми когтями и зубами он снял шкуру с Времени, насытился его мясом, обглодал кости, разворошил внутренности.

Молитвенные четки вернули вожаку человеческий облик. Охота была окончена.

Человека ждал бог с по-детски злобным лицом.

* * *

– Это не Время, церковный ты пес! – зловеще хохотал бог, глядя на шкуру, принесенную Марблом.

Пастырь смотрел ему в глаза, он не верил. Он потратил на поиски жизнь, он принес в жертву слишком многих.

– Это Время, – упрямо сказал смертный, не отводя взгляда от горящих рун на лице бога. Руины замка медленно обращались в пыль.

– Наглая псина! Ты перечишь богу! Смотри же! – всплеснул руками владыка этих мест. Выражение его лица стало жестким, суровым.

Под шкурой, брошенной на пол, послышался хруст костей. Еще мгновение назад пустая, она наполнилась мясом и кровью. На Марбла смотрел шестиглазый олень. Его морду облепили замерзшие мухи. Он усмехался, бил копытом, направил на человека обгаренные кровью рога.

Бог поднялся со своего трона. В его руке появился призрачный посох.

– За эту дерзость заплатишься ты и весь твой волчий род! – его слова могильными червями вползли в голову Марбла.

Человек закричал.

* * *

– Что это за статуи? – спросила молодая женщина своего спутника. Он замялся, не зная, сказать ей правду или нет.

– Это осужденные господином-богом, – ответил мужчина спустя мгновение.

Страница нахмурилась, глядя на стройные ряды мраморных изваяний. Маунт-Дар превратился в город статуй. Она покачала головой. Слишком долго ее здесь не было.

Женщина в желтой кожаной куртке шла между рядами, сжимая в ладонях увядший рябиновый венец. Она сняла его с головы статуи, чье лицо казалось смутно знакомым.

Она шагала вперед. Холодный воздух царапал горло. Снег хрустел под ногами. Неподалеку бродил олень с облепленной мухами мордой. Женщина не смотрела на него. Среди сотен застывших лиц она, казалось, искала одно. Мужчина не торопил ее, взглядом следя за оленем. Она остановилась у статуи молодого человека, одетого в рясу. У него было лицо святого, в руках он сжимал молитвенные четки.

– Прости, что не пришла на твой зов, Мраморный Волчонок, – печально сказала она, глядя изваянию прямо в глаза.

– Это не твоя вина, им давно пора было умереть, – спутник положил ладонь ей на плечо.

– Но не так, – покачала головой женщина. – Теперь, когда я вернулась, я хочу все сделать по правилам. – Топнула ногой она.

Увядший, промерзший рябиновый венец ожил в ладонях Смерти. Она опустила его на голову пастыря, вожака. Мраморная статуя лопнула, рассыпалась в пыль. Осколки задевали соседние изваяния, разбивали скорлупу, в которую на многие века чужая жестокая воля заточила людские души. Теперь одна за другой они становились свободны.

Улицы Маунт-Дара превратились в калейдоскоп теней – слуги Смерти уводили армию ликующих душ к Вечной Реке. Они бережно брали их за руки, провожая в Бессмертные Земли.

– Прощай, Волчонок, – женщина помахала рукой бледной тени мальчика, которого оставила жить когда-то давно.

Смерть и ее спутник долго молчали, глядя вслед удалявшейся процессии.

– Обман! – крикнула женщина, и послушный олень пришел на ее зов. Она вынула из дорожной сумки кусок сырого мяса и бросила ему. Обман обнажил два ряда заостренных зубов, схватил угощение и унесся прочь.

Спутник Смерти неодобрительно смотрел на следы оленя, исчезнувшего среди рябин.

– Что ж, Время, – сказала, наконец, женщина и посмотрела на своего старого друга. – Пора идти дальше.

Время ничего не ответил, только кивнул.

Они зашагали по диким дорогам Пограничного Мира, известным только им одним.

* marble (англ.) – мрамор

Хозяйка Вечного дома

Сергей Резников

Старуха

Берта съела слизняка. Рот наполнился горьким металлическим привкусом, дрянь хотелось выплюнуть, но она терпела. Проглотив первого, скривившись, положила в рот второго. Свою добычу Берта нашла под ржавой железякой в подвале Вечного дома, где скрывалась уже почти неделю. Она прислушалась. Рядом капала вода. Её хватало здесь, в затхлом подzemелье. Зато не доставало света, но Берта носила с собой два свечных огарка. Один почти закончился.

Доев слизняков, Берта запила их ржавой водой, сочащейся из трубы. Уже собралась было идти дальше, когда услышала топот шагов и голос Старухи. Убив тишину, он гудел, словно огромный колокол.

– Маленькая сучка, ты здесь?!

Опять тишина. Видать, Старуха замерла, прислушиваясь. Берта тоже не шевелилась, готовая вжаться в стену.

– Выходи же, Берта-мандавошка. Бабушка тебя не обидит!

Что-то клацнуло, темноту пронзил белый луч фонаря.

– Я знаю, ты здесь!

Луч дёрнулся и скользнул по стене, к которой прижалась Берта. Замер на секунду и упёрся ей в грудь, будто указующим перстом.

– Ага! Вот ты где, лапочка, ну, иди же ко мне, – с фальшивой добротой в голосе позвала Берту Старуха.

Можно было удрать, но Берте надоело бегать. Вместо этого она сжала в кармане кусок острого стекла, порезалась, чувствуя, как тёплая кровь наполняет ладонь, стиснула зубы и пошла навстречу свету.

– Вот и правильно, цыпочка, – проворковала Старуха.

Берта поравнялась с ней, и тут же толстая рука вынырнула из темноты, пальцы сжали горло девочки. Второй рукой Старуха схватила Берту за воротник куртки, пол ушёл из-под ног.

Старуха осветила фонарём своё бурое, покрытое нездоровыми оспинами лицо, напоминавшее луну, изъеденную кратерами. Хищный рот приоткрылся в оскале, обнажая зубы с застрявшими между ними кусочками мяса. Пахло луком и чем-то гнилым. Старуха была огромной, похожая на рыхлую гору, она без труда держала за шкурку тощую двенадцатилетнюю девчонку в жёлтой куртке.

– Попалась, стерва маленькая! – Старуха поднесла Берту поближе к лицу и внезапно громко завизжала. Стекло вошло в глаз твари, точно как Берта и планировала. Глаз тут же стал походить на яичный белок, смешанный с кровью.

Визг достиг апогея, Берта выскочила из лап Старухи и приземлилась на ноги, по-прежнему сжимая в руке стекло, рядом упал фонарик. Его яркий белый луч светил на равнодушную стену.

– Я убью тебя, тварь! Убью и на мелкие кусочки разрежу! – кричала Старуха.

– Спорим, не убьёшь, карга гнусная! – Берта смеялась, давно ей не было так радостно. До победы, конечно, далеко, но появился шанс. Выставив осколок стекла перед собой, она шагнула к Старухе, всё ещё державшейся за глаз. Берта целилась в живот. Осколок, порвав замызганный халат, начал входить в податливую плоть. Старуха не сразу почувствовала новую боль, но потом замерла, будто не понимая, что творится. Берта с упоением провернула стекло, представляя, как наружу вываливаются окровавленные кишки. Ради такого зрелища хотелось

подобрать с пола фонарик. Но она сосредоточилась на осколке, не заметив, как кулак Старухи навис над её головой, а затем опустился.

Удар бы таким, будто Берту огрели пудовой гирей. Свет фонаря приблизился вместе с полом. Тупая боль пронзила голову. Старуха рычала и, топая ногами, слепо пыталась ухватить девочку.

Но та отползла подальше, превозмогая боль. Схватила фонарик и нащупала кнопку. «Щёлк», и подвал вновь погрузился во тьму. Старуха продолжала стонать и звать на помощь, но Берта знала – Ищейки не заберутся сюда. Старуха сама им запретила.

Берта еле доползла до дверного проёма, ведущего в коридор, почувствовала, как тёплый ветер немного разогнал гнилой воздух. Встала на дрожащие ноги и, шатаясь, пошла в темноту. Несмотря на боль в голове и порезанной руке, она испытала радость победы. Злобная тиранка осталась без глаза, а у Берты появился фонарик, и он поможет выбраться из гнусного подвала.

Ном

Берта сидела, схватившись за живот и прижавшись к стене в очередной комнате. Ей казалось, что подвал Вечного дома бесконечен, либо она ходит по кругу. Коридоры то становились уже, то снова расширялись. Еды по-прежнему не хватало, от съеденных слизняков желудок пронзала острая боль, и Берта поклялась самой себе, что больше не будет есть эту дрянь. С голоду подохнет, но не будет.

Очередная тварь зашуршала в темноте. Крысы нагтели пропорционально тому, как девочка слабела. Но пока ещё фонарика и угроз хватало, чтобы их отогнать. «Щёлк!». Луч света пронзил тьму.

– Ну где же ты, гадина? – прошептала Берта и тут же вскрикнула от страха.

Существо выглядело так, будто на карлика натянули кожу взрослого человека: всё в складках, абсолютно голое, вдобавок ещё и склизкое на вид, оно смотрело на Берту безумными глазами старика. И в этих глазах отпечатались страх.

Берта облегченно вздохнула, карлик тоже боится её, значит, не всё так плохо.

– Не подходи ко мне! – крикнула она.

– Не бойся, девочка, я не причиню тебе зла. – Существо облизнулось, а в его взгляде промелькнул голод. В отличие от крыс, существо вряд ли боялось фонаря, да и в целом Берта уже засомневалась, что страх в глазах карлика относился к ней. Его голос походил на голос древнего старика, усиливая отвратительный эффект.

– Кто ты? – спросила Берта.

– Ном, – ответило существо. – Я сам так себя назвал. Гном, наверное, неправильно, я же не мифический персонаж. Когда-то я был человеком, не поверишь. А потом меня запихнули в ваш мир, изрядно сплющив перед этим.

– Ты имеешь в виду Вечный дом?

– О! Это место одно из многих и не самое худшее, поверь мне, девочка. Но всё же не удивительно, что ты хочешь сбежать отсюда.

Кем бы ни была тварь, Берте она не нравилась. Но девочка и не помнила, что за всю жизнь в Вечном доме ей нравился хоть кто-то. Да кого она видела здесь, кроме Старухи, её ужасных гостей, братьев поварят и Ищеек?

– Откуда ты знаешь о моём желании сбежать?

– Я... – Ном снова облизнулся и сделал шаг в сторону Берты.

– Не смей приближаться! – закричала та и достала из кармана осколок стекла. Какая-то часть девочки хотела, чтобы Ном сделал ещё шаг. Хотела накинуться на него и резать, резать, резать. Хотела узнать, каков этот карлик на вкус. В желудке вновь кольнуло, Берта попыталась отогнать навязчивые мысли, а в старческих глазах Ном заиграли огоньки страха.

– О! Это сильно! – проскрипел он. – Понимаешь, после того, что со мной сделали, я немного научился угадывать мысли. Я чувствую эманации твоей ненависти. Ощущаю зло, растерянность и желание убежать отсюда. Но мир за стенами этого исполинского здания ещё хуже, поверь мне. Я долго путешествовал по таким местам, при виде которых кости леденеют от страха. Я думал, что попал в ад. Точнее, до сих пор думаю так. Но здесь, в этом мрачном подвале, я наконец-то смог передохнуть. Одна беда, голод...

Ном снова облизнулся. А Берта опять порезалась, сжав осколок стекла.

– Откуда ты попал сюда?

– Давай, я тебе покажу, так будет лучше.

Берта внезапно провалилась в глубокий колодец. Она падала и падала, пока не увидела какую-то рябь под ногами. Девочка зависла в воздухе, потому что тот стал вязким, почти плотным. Внизу, под этим странным полом, шёл высокий пожилой человек в чёрном костюме и с длинными седыми волосами. Человек подошёл к полкам, на которых стояли бочки. Из похожих старуха доставала консервированное мясо, когда свежее заканчивалось, а гости являлись внезапно. Правда, эти бочки были побольше. Человек с лёгкостью взял с полки одну из них, поставил на пол, затем снял с бочки крышку. С минуту ничего не происходило, а потом старик перевернул бочку, и оттуда вывалился сморщенный голый Ном, либо кто-то очень похожий на него. Седовласый продолжал открывать бочки, доставая из них всё новых и новых карликов, а те выстраивались в вереницу и шли в сторону странного дрожащего света, что поглощал их, одного за другим.

Освободив последнего карлика, который, нелепо перебирая ножками, устремился вслед за собратьями, старик наблюдал за процессией и улыбался. Берте стало жутко от этой улыбки, она замотала головой, смахивая с себя вязкое видение. Подвал вернулся, фонарь светил в пол, а Ном стоял совсем рядом. Берта слышала, как он втягивает носом воздух.

– Очень хочется есть... ты пахнешь кровью...

– Я же сказала, не приближайся! – Берта выставила стекло перед собой, и Ном с визгом отскочил. Луч фонаря вновь впился в него.

– А ты сильная! – Он сглотнул слюну. – Не думал, что тебе удастся стряхнуть с себя моё наваждение. Итак, старик сжал нас и забросил сюда. В ваш мир. Ты живёшь в преисподней, девочка.

– Не ври!

– А с чего мне обманывать тебя? Мы оказались в холодной пустыне, шли и шли. А человек в чёрном следовал за нами и насвистывал, как ни в чём не бывало. В пустыне мне особенно запомнился огромный глаз. Он висел в небе и смотрел на нас. Помню, я тогда подумал: быть может, это сам дьявол. А ещё я до сих пор содрогаюсь, вспоминая о тварях, что встречались нам по пути. Неслышанно мерзкие и злобные, они всё же боялись старика и не трогали нас. Так мы и дошли сюда, в место, которое ты называешь Вечным домом, девочка. Меня вытолкнули из вереницы измождённых и печальных карликов, чтобы оставить здесь. На верную смерть.

Из глаз Нома потекли слёзы.

– А ведь когда-то я был человеком, жил обычной жизнью в нормальном мире. У меня даже семья была. И самое плохое, девочка – я помню ту жизнь. Уж лучше бы мерзкий старик её стёр из памяти.

– А почему ты не умрёшь? – спросила Берта. – Просто удавись и всё.

Ном грустно рассмеялся.

– Ты очень жестока для ребёнка. Я хочу жить. Я хочу есть, пить, дышать. Если бы у тебя не было стеклянного ножика... – Ном мечтательно закатил глаза.

– Дёрнешься, и я помогу тебе сдохнуть, – процедила Берта, и её слова заставили Нома отойти назад на пару шагов и испуганно всхлипнуть.

Берта молчала какое-то время. Собиралась было прогнать Нома, но любопытство пере-
силило.

– А пустыня начинается сразу около Вечного дома?

– Мне кажется, что пустыня, это весь ваш мир, девочка. Или, по крайней мере, большая
его часть. А ты разве не была снаружи?

Она ответила не сразу.

– Не довелось.

– А где твои родители?

– Их нет. Есть только Старуха. – Последнее слово Берта сказала с такой ненавистью, что
Ном снова пискнул.

– Пора и тебе рассказать свою историю, Берта.

– Откуда ты знаешь моё имя?

– Хе-хе. Я же говорил про свою невинную способность. Раскрой мне сознание, девочка,
а я просто немного почитаю его. Не бойся.

История Берты

Она уже неделю не выходила из кухни. Вся вымокла от духоты и постоянной беготни
между плитой и горами посуды. Братья повара, как с издёвкой нарекла их Старуха, не умели
говорить, а лишь мерзко похрюкивали и жестами давали Берте знать, что надо делать. Старуха
утверждала, будто она вырезала каждому из них часть мозга, чтобы не умничали. Берта вполне
верила в это, Старуха запросто проделывала что угодно со своими слугами, не испытывая ни
капли жалости. По виду братьев повара и не поймёшь, сколько им лет, почти детские лица
сочетались с дюжими телами, изрядно заплывшими жиром, но способными таскать со склада
пуды мяса и мешки с мукой.

Были братья весьма злобными, и если Берта пыталась отлынивать от работы или просто
не успевала, тумачи не заставляли себя долго ждать. Поэтому всего лишь один день, проведён-
ный на кухне, казался ей сущим наказанием. Не говоря уже про целую неделю.

Входная дверь скрипнула. Братья замерли и раболепно уставились на выплывающую
оттуда, словно огромная туча, Старуху. Довольно похмыкивая, она обошла свои владения,
проверяя пышущие жаром плиты, на которых варились, запекались, тушились и жарились все-
возможные блюда. Вытяжки еле справлялись с царившим на кухне паром и сладковатым тош-
нотворным запахом мяса.

Старуха обеспокоенно хмыкнула.

– Надо бы ещё мяса принести, ребятки, – обратилась она к братьям поварьям, не обра-
щая на Берту ни малейшего внимания. Тупые уроды обеспокоенно заверещали и замахали
ручищами.

– Он ещё не разделал? – Старуха нахмурила брови.

Братья дружно кивнули.

– Так поторопите его! Объясните, что останется без гекса, если не выдаст вам ещё три
пуда мяса. Сегодня!

Братья повара, озадаченно захрюкав, ринулись прочь из кухни.

– А ты, маленькая сучка. – Старуха намеренно не смотрела на Берту. – Надеюсь, усвоила
урок? Я бы тебя ещё тут поработать с недельку оставила, но, клянусь Вечным домом, не хочу
потом походить на уродину-кухарку, провонявшую специями.

– Ты итак уродина редкостная, а изо рта у тебя несёт, словно из помойки, – прошептала
Берта.

– Какого хрена ты там вякнула?!

– Ваша светлость, я изъявила восторг, что вы простили меня! – громко ответила девочка.

– Простила. – Старуха скривилась. – За такое нет прощения. Ты хотела отравить ту, кто кормит тебя и лелеет. Растит в комфорте.

Внезапно она резво ринулась к Берте, схватила девочку за подбородок и задрала её голову вверх.

– Ты видела мир за пределами Вечного дома, гадина?

Берта смогла в ответ только пискнуть и помотать головой.

– То-то же! Ты даже не представляешь, как он жесток. Я кручусь, будто белка в колесе, кормлю всю эту ораву гостей ради нашего благополучия, кормлю тебя. И что получаю взамен?! Крысиный яд в кофе! Неблагодарная свинья!

Старуха со всего размаха залепила Берте такую пощёчину, что у девочки дух перехватило.

Берта не могла больше это терпеть.

– Старая тварь! Не смей даже пальцем меня трогать! – Она схватила Старуху за руку и впилась в неё зубами. Вкус был такой, будто грязную тряпку в рот запихала. Старуха завизжала.

– Кормилица, да?! Заботишься обо мне?! – закричала Берта. – Тебе нужно только моё тело, чтобы переселиться туда и жить ещё долго, пока не найдёшь следующее. Так вот, что я скажу: хер тебе, мерзкая бабка!

Берта ринулась к двери, на бегу схватив с вешалки жёлтую куртку. Старуха хлопнула руками, будто от неё удирал комар, затем неловко шагнула, ударившись о плиту, с которой тут же повалилась огромная кастрюля с кипящим варевом. Жуткие вопли ещё долго раздавались в ушах, пока Берта бежала. Мчалась так, словно за ней черти гнались. Что не было преувеличением. В любой момент должны появиться Ищейки. Берта отлично знала о том, как они ловко расправляются с беглецами. Но никто не преследовал её, а тут ещё незапертая дверь, ведущая в подвал, так кстати попалась.

* * *

– Ух ты! Смелая девочка ловко сбежала от неё!

В голосе Номы слышалось искреннее уважение. Наши судьбы чем-то схожи, я избежал участи, которую заготовил мне старик в чёрном, а ты удрала от злобной тиранки. Кстати, как её звать?

– Просто Старуха. Она не говорит мне своё имя.

– А что за тело она хочет получить? Это как понимать?

– Так и понимать. – Берта насупилась. – Она собирается жить вечно. Когда я подрасту, переселится в моё тело. А может, и раньше. Недавно я оставила её без глаза. Хотя в своей лаборатории она способна вырастить новый.

– В лаборатории?

– Да, я никогда там не была, но, думаю, она будет последним, что я увижу.

– Ты хочешь убить Старуху. Этим желанием ты буквально светишься.

– Ага. Толку-то. – Берта пожала плечами. – Уже пыталась. Ожог от кипящей похлёбки, крысиный яд в кофе и стекло в глаз. Бесплезно.

Ном хмыкнул.

– Главное, ты пробуешь. Знаешь, что сейчас пришло мне в голову?

– Нет, – раздражённо ответила Берта, – в отличие от тебя, не умею читать мысли.

– Старуха не зря скрывает своё имя. Если узнать его и правильно использовать, оно может стать грозным оружием против тиранки.

– Кто тебе такое сказал? – Берта, сама не отдавая себе отчёт, пододвинулась к Ному поближе. Даже не заметив, как тот вновь принюхался и облизнулся.

– Старик в чёрном. Он выпытывал имя у каждого бедолаги, прежде чем превратить его в карлика. А ещё его оружие... я попробую помочь тебе, девочка, – загадочно добавил Ном и слегка укусил Берту за руку. Та отвесила карлику звонкую оплеуху.

– Не смей меня трогать, сучонок!

– Извини, не сдержался.

– Проваливай!

– Я честно хочу помочь тебе, но мне сначала надо подкрепиться. Ты знаешь, откуда берётся мясо?

– Его приносят братья поварята. Понятия не имею откуда.

– Как тебе оно на вкус?

– Никак, я его не ем.

Берта не покривила душой, её действительно воротило даже от запаха мяса, которое с удовольствием уплетали остальные обитатели Вечного дома, не говоря уж о гостях.

– Так вот. Там, куда я хочу попасть, помимо мяса есть мои вещи. Поможешь мне их вернуть, а я в долгу не останусь.

Берта на минуту задумалась. А действительно, что ей терять? Так и сдохнет в этом подвале, или Старуха всё-таки напустит сюда ищеек. Как ни крути, выбираться отсюда надо. Невозможно вечно блуждать по затхлым коридорам.

Берта с отвращением вытерла укушенную руку о куртку.

– Ладно, пошли.

Источник мяса

Темнота стала будто вязкой. Даже луч фонаря пропадал в ней, тускнея. А ещё Берта чувствовала запах, похожий на тот, что распространялся по кухне, когда братья поварята притаскивали туда свежее мясо. Но к этому запаху прибавился и другой – тяжёлый, металлический. Так пахла кровь. Берта знала, даже на вкус пробовала, когда впилась зубами в руку Старухи. А ещё когда схватила в подвале полуживого крысёнка и попыталась съесть его. И теперь она вновь чувствовала и отвращение, и дикий голод. Рот наполнился слюной. Запах свежего мяса был и мерзким, и манящим одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.